

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

На правах рукописи

Костина Алина Олеговна

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКОГО
ПРОСТРАНСТВА

Специальность 09.00.08 – философия науки и техники

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Кузнецов Валерий Григорьевич

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА	3
1.1. Мануэль Кастельс: виртуализация города.....	13
1.2. Анри Лефевр: производство городского пространства	24
1.3. Дэвид Харви: город и неравенство.	29
1.4. Эдвард Сойя: возвращение городу пространственного измерения .	36
1.5. Ричард Сеннет: Плоть и камень городского пространства.....	39
Выводы раздела	56
РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ГОРОДСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ЗНАНИЯ И ГОРОДСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.....	59
2.1. Методологические подходы к городскому планированию XX века: от системной теории к антипозитивистской критике	59
2.1.1 <i>Городское планирование и академическая среда</i>	62
2.2. АСПЕКТЫ ГОРОДСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.....	73
2.2.1 <i>Роль местных сообществ в принятии городских решений</i>	73
2.2.2 <i>Городское многообразие</i>	76
2.2.3 <i>Городское равенство</i>	81
Выводы раздела	86
РАЗДЕЛ 3. ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ИНВЕСТИЦИЙ.....	89
3.1. Циркуляция капитала в городе	89
3.2. Визуальное как инструмент городских преобразований	101
3.3. Превращение промышленного района в культурный центр.....	103
3.4. Формирование новой культурной идентичности районов	107
3.5. Джентрификация как социальный лифт	111
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	116
БИБЛИОГРАФИЯ	122

Введение

Актуальность выбранной тематики связана с необходимостью адекватного, философски обоснованного изучения городского пространства и важностью критического осмысления самого методологического аппарата исследования и, как следствие, объективного отражения городских процессов, направлений и перспектив их развития.

Исследование городского пространства может происходить из различных перспектив ряда общественных наук: социологии, юриспруденции, экономики, демографии и т.д. Следующую оценку ситуации в городских исследованиях дает урбанист Е. Трубина: «Настоящий момент отмечен, однако, нарастающим пониманием того, что современная урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория. Содержательное знакомство с самыми разными традициями и свободное от опасения быть обвиненными в эклектике их использование видится куда более продуктивным»¹. Множественность направлений исследований связана с разнообразием общественных отношений городского пространства. Рассматриваемые в рамках данной работы методологии городских исследований затрагивают ряд важных вопросов. Таких как:

- **границы (отношения центра и периферии);**
- представление о категориях **времени и пространства**, переживаемого в городском пространстве;
- рассмотрение плана города как соотношения **должного и реального;**
- отношения **социальных групп** внутри городского пространства;
- **зонирование** городского пространства;
- распределение **общественных благ** в городе;
- городская **справедливость**.

---

¹ Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. Новое литературное обозрение. М., 2011, с. 9

Предложенные к рассмотрению в данной диссертации теоретические подходы предлагают свои версии ответов на данный вопрос.

Условия индустриальной экономики стали серьезным толчком к формированию систематических исследований городского пространства. Развитие индустриального производства делает города более динамичными и влияет на характер развития общественных процессов.

Переход к постиндустриальной экономике, сопряженный с большим влиянием информационных технологий не только на само общество, но и на теорию его исследования, приводит к переключению внимания на пространство символической экономики: оно не только формирует образы города, но и становится источником прибыли для частного капитала. Расстояние все чаще измеряется временем его преодоления.

Город, рассматриваемый как пространство потоков доминирующих сил, буквально «выбивает почву из-под ног» у его жителей. Но разрывы, лакуны в последовательности и планомерности реализации социальных отношений, приводящие к активной борьбе и противостоянию различных общественных групп, не могут быть оторваны от пространственного измерения. Горожане борются за право использования общественного пространства, за право голоса в решении вопросов городского планирования, за право определять образ места.

В то время как смещение методологии в сторону утверждения одного доминирующего фактора или принципа развития делает объяснение городских процессов проблематичным и неполным. В данной работе будет сделана попытка показать роль множества взаимосвязанных аспектов, служащих объяснению организации городского пространства.

Актуальность данного исследования имеет не только теоретический, но и практический характер, затрагивая вопросы, которые касаются каждого жителя большого города, его перемещения, взаимодействия на уровне межличностного и группового общения, социального обеспечения, плодотворного использования общественных пространств, синхронизации внутреннего ощущения места и пространства с тем темпом, который задает стремительный город.

Степень разработанности темы

Первые важные попытки по осмыслению города как особого самостоятельного образования были представлены работами Э. Дюркгейма, М. Вебера («Город», «История хозяйства», «Хозяйство и общество»), Г. Зиммеля («Большие города и духовная жизнь», «Конфликт современной культуры», «Чужак», «Как возможно общество?», «Проблема социологии»), К.Маркса («Экономическо-философические рукописи 1844 года»), Ф. Энгельса («Положение рабочего класса в Англии»). Изначально рассмотрение города происходило в рамках более широкой перспективы: исторического становления общества, как у М. Вебера и Ф. Энгельса; с точки зрения общественных трансформаций – перехода от модели традиционных отношений к индустриальным, что становится предметом исследования Г. Зиммеля в рамках вопроса становления современности. Особенно важно, что город становится местом зарождения нового типа социальных отношений, а это принципиально изменяет их теоретическое осмысление.

Пространство города является центром многообразия социальных отношений. Так, Л. Вирт², представитель Чикагской школы социологии, в своих произведениях («Гетто», «Урбанизм, как образ жизни»), рассматривает различные пространственные модели города как результат борьбы за выживание индивидов и групп людей. Важными исследованиями в этой области являются работы И. Гофмана³ и Р. Сеннета⁴.

Одними из наиболее важных направлений ранних исследований Чикагской школы является попытка установить связь социальных феноменов и пространственных моделей, через рассмотрение проблемы социальной интеграции и дезинтеграции. Само городское пространство Чикаго становилось благодатной почвой для исследований, как теоретических, так и прикладных

---

² Также важные работы автора: *Community Life and Social Policy* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1956); *Contemporary Social Problems* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1940).

³ Irving Hoffman «*The Presentation of Self in Everyday Life*», (Garden City, NY: Doubleday, 1959)

⁴ Richard Sennett, *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life* (New York: Norton, 1970)

(Ruth Cavan “Suicide”, 1928; Paul G. Cressey “The Taxi-Dance hall”, 1932; Norman Hayer, “Hotel life”, 1936). Несмотря на то, что эти исследования подвергались критике как основанные на анализе только патологии и дезорганизации, это не умаляет их ценности как основанных на синтетическом анализе социального и пространственного.

Городское планирование изначально теоретически анализировалось в основном архитекторами, так как именно на архитектуру делался акцент. Это нашло отражение в работах Э. Ховарда, Ле Корбюзье, Ф. Ллойда Райта. Среди более поздних теоретиков урбанизма можно назвать такие имена как П. Холл⁵, Д. Форрестер⁶, П. Давидофф⁷. В работах данных авторов анализируется хронология развития городского планирования и выдвигаются собственные стратегии, основанные на большом исследовательском, а в некоторых случаях и практическом опыте градостроительства.

Одной из важнейших фигур в осмыслении городского пространства, задавшей множество дальнейших стратегий исследования, является А. Лефевр⁸. Он сделал важный шаг в городских исследованиях, выделив из сочинений К. Маркса и М. Вебера городскую политэкономия, показал, что экономические категории капитала, прибыли, ренты, стоимости, классовой эксплуатации, неравномерного развития, могут быть использованы для анализа городского пространства. Новым измерением исследования, особенно актуальным сегодня, становится выделение двух кругооборотов капитала, первый из которых связан с промышленным производством, второй – с инвестициями в недвижимость. Финансовые вложения в землю и строительство – не только важный фактор общественного благосостояния, но и сила, определяющая специфические пути городского развития. Недвижимость определяет динамику городского пространства,

---

⁵ Работы автора: Hall Peter, *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century*, 3rd edn (Oxford: Blackwell, 2001); *Urban and Regional Planning*, 5th edn (London: Routledge, 2009).

⁶ Forrester John, *Dealing with Differences: Dramas of Mediating Public Disputes* (New York: Oxford, 2009); *The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes* (Cambridge, MA: MIT Press, 1999).

⁷ Cornell University library Collection Number 4250: Paul Davidoff's Papers

⁸ Наиболее значительные работы: H. Lefebvre *The Production of Space*, transl. by Donald Nicolson-Smith (Oxford: Blackwell, 1991); *Writings on Cities*, translated and edited by Eleonore Kofman and Elizabeth Lebas (Oxford: Blackwell, 1996); *The Urban Revolution*, translated by Robert Bononno (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003).

строительство становится способом производства пространства. В результате, он делает важный вывод о городском пространстве, разделяя его на «абстрактное» – рассматривается в категориях дохода и прибыли и «социальное», репрезентирующее собой повседневную жизнь. Здесь можно провести параллель с рассмотренными М. Кастельсом⁹ в рамках теории информационного общества «пространством потоков» и «пространством мест». Этот новый подход дает и новые возможности для исследования, одновременно возвращая к важным методологическим вопросам и тому, насколько разработка новых подходов обогащает знание предмета. Так, А. Филиппов, сделавший значительный вклад в изучение проблематики городского пространства, утверждает, что «анализ сетей и потоков представляется весьма перспективным, однако пока трудно сказать, можно ли во всех случаях отказаться от метафоры пространства-контейнера»¹⁰. Разработка вопроса не теряет своей актуальности и требует дальнейших исследований.

Работы М. Кастельса связаны с важным феноменом современного общества – глобализацией. Темой трансформации города в период глобализации, наряду с М. Кастельсом занимаются такие авторы как М. Вебер¹¹, С. Сассен¹², также крупные мировые организации занимаются разработкой проблем городов, так, организация UN-HABITAT (United Nations Settlements Programme)¹³ опубликовала в 2003 году труд по проблемам городских трущоб¹⁴.

Среди имен отечественной традиции следует назвать Глазычева В. – исследователя теории и истории проектирования, социальных проблем, архитектуры и экологии городов. Е. Трубину, предложившую оригинальное многоаспектное исследование города в теории. В социологических

⁹ Среди наиболее важных работ автора можно назвать: Кастельс М. Галактика Интернет, Екатеринбург, 2004; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура, М., 2000; *The Power of Identity* (Oxford: Blackwell, 1997); *The End of the Millennium* (Oxford: Blackwell, 1998).

¹⁰ Филиппов А. В. Социология пространства. М.: Владимир Даль, 2008, с.265

¹¹ Webber, Malvin, *Explorations into Urban Structure* (Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1964)

¹² Sassen, Saskia, *The Global City: New York, London, Tokyo* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991); *include Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006); *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization* (New York: Columbia University Press, 1996); *Cities in a World Economy, 3rd edn* (Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2006).

¹³ Агентство ООН, учрежденное в 1978 году, штаб-квартира находится в Найроби, Кении.

¹⁴ *The Challenge of Slums* (London: Earthscan, 2003)

исследованиях – социология пространства в работах А. Филиппова, А. Бикбова; полевые исследования и связанные с ними объяснения теоретических предпосылок опыта города в работах О. Трущенко; рассмотрение социально-пространственной сегрегации в городе на примере Москвы. Большой вклад был сделан культурологом Ю. Лотманом в рассмотрении семиотики городского пространства на примере Петербурга. Также следует упомянуть работы Г. Каганова, также на примере Петербурга раскрывающего образы пространства городской среды в массовом сознании и искусстве. Немаловажную роль играет и традиция отечественной геоурбанистики, связанной с именами Лаппо Г. и его разработкой идеи каркасно-сетевой структуры территориального устройства, а также работы Перцика Е., теоретика районной планировки.

Объектом исследования является организация городского пространства.

В качестве **предмета** рассматриваются концепции городского пространства.

Цель данной работы – установить методологические различия рассматриваемых концепций городского пространства, а также показать, как смена парадигм в городском планировании отражается на практическом воплощении справедливой городской организации.

Исходя из этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выявить методологические различия рассмотренных концепций в определении городского пространства.
2. Определить основные процессы, формирующие городское пространство, согласно рассматриваемым концепциям.
3. Показать смену парадигм городского планирования и его становления в качестве отдельной области знания в XX веке.
4. На конкретных примерах прояснить связи стратегий городского планирования и характера изменений городского пространства.

Методологическая база исследования определяется его целью и задачами.

Методом критического анализа в диссертационной работе рассматриваются подходы к рассмотрению проблем городского пространства на примере концепций М. Кастельса, А. Лефевра, Д. Харви, Э. Сойи и Р. Сеннета. В каждой из рассматриваемых концепций поднимается ряд принципиальных вопросов: о природе городского пространства (из которого вырастает эпистемология отдельного исследования); факторах его формирования; воздействия на социальные силы и движения общества; перспективы развития предложенных теорий. Общность рассматриваемых вопросов позволяет провести сравнительный анализ предложенных концепций: установить их связь, сходство и различие. Далее, на основании предложенных теоретических разработок, происходит рассмотрение их практической реализации на примерах отдельных городов и происходящих в них социальных процессов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Методологические различия концепций городского пространства представлены следующими стратегиями:

- Приоритет в объяснении городских процессов отдается социальным отношениям, для которых городское пространство становится планом их выражения (М. Кастельс);
- Приоритет в объяснении городских процессов отдается политизированному городскому пространству, которое направляет процесс изменений (А. Лефевр);
- Приоритет в объяснении городских процессов отдается категории «городского» (the urban) как уникальной базы для развития модели городских отношений (Д. Харви);
- Объяснение городских процессов исходит из нераздельности физического, ментального и социального пространств (Э. Сойя);
- Политические институты и их материальные воплощения (архитектурные здания и ансамбли) являются основой формирования городского пространства.

2. Среди основных процессов, формирующих ландшафт города можно выделить: городское планирование (определяющее гомогенность/гетерогенность городского пространства, джентрификацию¹⁵), движение капитала (приватизация/увеличение доступа к общественному пространству города, виртуализация города), гражданские правозащитные движения (борьба за сохранение аутентичности районов, равенство, разнообразие).

3. Становление городского планирования как отдельной области знания в XX веке было связано со сменой парадигм в городском планировании. Революционным становится переход от планирования как деятельности архитекторов к системному подходу. Его дальнейшая критика приводит к становлению антипозитивистской позиции, характеризующейся увеличением гражданского участия в процессе планирования.

4. Различные стратегии городского планирования изменяют баланс сил городских районов:

- Односторонняя инициатива городского планирования со стороны официальных властей наносит урон интересам гражданского сообщества и движениям капитала (Сохо, Нью-Йорк);
- Самопроизвольность трансформаций высвобождает культурный потенциал, превращая локальное сообщество в глобальный культурный центр (Бруклин, Нью-Йорк);
- Недостаток внимания городских властей к бедствующим районам приводит к необходимости самогенерации новых оснований для процветания (формирование среднего класса района), что приводит к

---

¹⁵ Термин, введенный британским социологом Рут Глас (Ruth Glass) при описании изменений социальной структуры и рынка недвижимости Лондона. «Один за другим, множество рабочих кварталов Лондона были подвержены вторжению среднего класса – высшего и низшего. Ветхие, небогатые «клетушки» по истечению срока аренды превратились в изысканные роскошные резиденции. Однажды возникнув, этот процесс «джентрификации» стал быстро распространяться пока все прежние жители, представители рабочего класса, не исчезли из района, а его социальный характер не был полностью изменен». (*Glass R. London: Aspects of Change. L.: Macgibbon a Kee, 1964, p. xvii.*)

дальнейшему привлечению капитала и политической власти (Гарлем, Нью-Йорк).

Новизну полученных результатов автор видит в следующем:

1. Показана методологическая важность определения основных характеристик и особенностей городского пространства в рамках рассмотренных концепций. Анализ городского пространства задает направление исследований, представленных в рассмотренных концепциях и позволяет характеризовать их как урбанистические.

2. Продемонстрировано отношение стратегий городского планирования и городской справедливости с выделением ряда ее основных аспектов (демократический аспект, равенство, многообразие, координация развития регионов).

3. Проведенный анализ смены парадигм в городском планировании XX века демонстрирует становление городского планирования в качестве отдельной области знания и свидетельствует о революционной смене методологий данной области и их последующем синтезе в решении вопросов городского планирования.

4. Выделенные и проанализированные уникальные стратегии городского планирования, представленные на примерах конкретных городских районов, могут рассматриваться в качестве моделей преобразования городского пространства.

Теоретическое и практическое значение исследования

Теоретическое и практическое значение исследования определяется, прежде всего, целью исследования, поставленными задачами, актуальностью темы и новизной решений. В работе проанализирован ряд урбанистических концепций, с акцентом на способ определения городского пространства, его зонирования общественными силами (государства, гражданских сообществ и

капитала). Исследованы вопросы соотношения пространства/времени в городской среде как факторов, определяющих характер городской коммуникации (межличностная, социальная, транспортная). В диссертации проведен анализ основных концепций городского планирования с обозначением методологических проблем данных концепций. Рассмотренные вопросы городской справедливости и движения капитала обозначают актуальные тенденции и связанные с ними проблемы развития современных городов, что может стать основанием дальнейшей теоретической разработки.

Апробация работы была проведена в рамках конференций «Ломоносов» (МГУ, 2011, 2012), IX Всероссийской конференции «Фундаментальные науки в современном строительстве» (МГСУ, 2012) и конференции «Гуманитарное измерение города» (МГУ, 2015). Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии и методологии науки 10 сентября 2015 года.

Раздел 1. Методологические концепции рассмотрения проблематики городского пространства

1.1. Мануэль Кастельс: виртуализация города

Мануэль Кастельс является одним из наиболее влиятельных теоретиков информационного общества, коммуникации и глобализации. В рамках данной работы наибольший интерес представляют его размышления о городском пространстве.

Три наиболее влиятельных теоретических источника творчества Кастельса – работы о городском пространстве Анри Лефевра (гл.2 данной работы), социология общественных движений Алена Турена¹⁶ и структуралистский марксизм Альтюссера¹⁷.

Одним из главных фокусов данной работы является рассмотрение ряда методологических подходов к вопросу городского пространства. Длительная традиция как теоретической мысли, так и практики городского планирования понимала пространство города различным образом: от нейтрального «вместилища» до самостоятельной силы. В свете этих полярных представлений М. Кастельс изначально отдает приоритетную роль социальным отношениям, структурирующим городское пространство. Последнее же становится лишь планом выражение существующих общественных отношений.

М. Кастельс критиковал либеральную Чикагскую школу и радикальный урбанизм Лефевра за их продвижение «городской идеологии» и «мифа о городской культуре». Он утверждал, что признание данных идей основывается на факте близости и популярности описываемых в исследованиях проблем повседневной жизни, которые близки всем без исключения городским жителям.

---

¹⁶ Ален Турен «Социология действия» (1965), «Производство общества» (1969), «За социологию» (1977), «Возвращение человека действующего» (1984)

¹⁷ Л. Альтюссер «За Маркса» (1965), «Читать 'Капитал'» (в соавторстве с Э. Балибаром и Р. Этабле, 1965), «Идеология и идеологические аппараты государства» (1970)

Объединяющий лозунг «обыденных проблем» придает этим вопросам одновременно ясность и основательность.

М. Кастельс называет Чикагскую школу и ее последователей создателями «науки о новых формах социальной жизни, возникшей в больших метрополисах»¹⁸. Эта новая наука о городском пространстве построена на смешении, возникшем из привычно связываемых «конкретной экологической формы» и «специфического культурного контекста». Главная проблема, по его мнению, состоит в том, что **город занял место объяснения** – «все аспекты социально жизни города являются продуктами самой городской жизни» («all the aspects of social life in the city are the products of **cityness** itself»)¹⁹.

С одной стороны, Кастельс сделал больше, чем просто расширил внутреннюю критику, уже достаточно развитую в основном направлении урбанистической социологии. Он прилагал усилия к тому, чтобы **сделать городскую теорию непространственной** и повысить интерес к непространственным социальным процессам в конструировании урбанизма как способа жизни. Такой постановкой вопроса он в значительной мере обязан идеям своего учителя Алена Турена. Именно под его влиянием Кастельс обратил внимание на непространственные социальные процессы, которые были связаны с капиталистической индустриализацией, «разделением на антагонистические классы». Немаловажным стало и предположение неомарксистского толка о появлении поля радикальной городской политэкономии.

Таким образом Кастельс смещает городские исследования в сторону структурных и структурирующих эффектов социальных отношений производства, потребления, обмена и управления. Все, что можно понять или объяснить в современной городской жизни, было продуктом динамики сложной сети социальных отношений, в том числе с учетом пространственной специфики

---

¹⁸ По Soja E.W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell, 2000, p.102

¹⁹ Soja E.W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell, 2000, p.103

урбанизма, которая, однако, не играла роль причины, но являлась отражением существующих социальных отношений.

Производство приравнивается к пространственному выражению средств производства, потребление – пространственному выражению рабочей силы, обмен как пространственное выражение взаимодействия между производством и потреблением, управление как пространственное выражение политико-институциональной системы. К этому он добавляет идеологическую систему, которая организует пространство, маркируя его сетью знаков, обозначающее в которых – пространственная форма, а обозначаемое – идеологическое содержание.

В переносе своей теоретической аргументации на исторические реалии Кастельс говорит о том, что развитие индустриального капитализма, вопреки широко распространенному мнению, не принесло городу укрепления позиций, а наоборот, привело к его виртуальному исчезновению. Город как институциональная и автономная социальная система, организованная вокруг отдельных объектов, находящихся в пространстве города, перестает существовать. Исчезает уникальный порядок (экологический и культурный) отдельно взятого города. Этот аргумент становится основанием для отрицания пространственных форм города в качестве теоретических объектов социологического анализа.

Индустриальный капитализм фундаментально трансформирует представление о характере развивающегося урбанизма. Буржуазия как один из основных городских классов более не укореняется в «burg», в городе, но берет контроль над социальным формированием городского пространства (следует проводить различие между данным процессом и социальным производством пространства А.Лефевра, которое будет рассмотрено в следующей главе). Город в привычном понимании остался позади, представляя теперь лишь «холст» для капиталистического развития.

Изменению положения городов способствовала трансформация характера современных национальных государств. Их рост был частично обусловлен

авторитетной территориальной властью, полученной от старых городов-государств. Но, одновременно с этим, новая территориальная власть не витала в воздухе. Она была укоренена в системе, нагруженной не только политической географией национального государства, но и культурной и экономической интеграцией, реальной и воображаемой. Государство более не отождествлялось с городом, и сам город более не был автономным гегемоном, как во времена городов-государств.

Возвращаясь к теоретическим вопросам, Кастельс проводит разделительную линию между своим взглядом и представлениями Лефевра, отмечая, что пространственные формы могут отражать определенные системы поведения, но они не производят эффект независимо. Что еще раз подчеркивает первичность социальных процессов по отношению к их пространственному выражению.

Кастельс критикует Лефевра за производство «левой версии» урбанистической идеологии Чикагской школы. По мнению его, Лефевр перешел от марксистского анализа городского феномена к урбанистической теоретизации марксистской проблематики. В глазах Кастельса данный переход обозначает инверсию марксистского анализа: от привнесения марксизма в пространственный анализ к приданию марксизму пространственного вида.

Такая трансформация может быть подвергнута критике, но не следует недооценивать этот вклад Лефевра в городские исследования. Он добавил в марксизм мощное проблемное пространственное измерение и такой подход нашел своих последователей (в частности, в идеях Эдварда Сойи, которые будут рассмотрены в главе 1.4).

В более поздней концепции, связанной с развитием информационного общества, особое теоретическое положение в объяснении городских процессов занимают понятия «пространство потоков» и «пространство мест».

Мировая глобальная экономика «пустила корни» именно в городах. Для поддержания конкурентоспособности и включенности в глобальное сообщество городам требуется эффективная, налаженная система коммуникации. Лефевр

сказал бы, что непрерывная коммуникация становится новой городской идеологией.

Для нового урбанизированного мира становятся характерными два противоположных движения: включение областей города в сети и исключение из них. Первые относятся к пространству потоков, имеют в общественном представлении большую ценность, так как становятся «каналами», проводниками еще большего городского благосостояния. В противоположность им, некоторые места «исключены» из новой сетевой географии, они относятся к пространству мест – лишены мобильности и являются местами разрыва городской коммуникации, а потому и местом выражения социального конфликта. «Раздробленный урбанизм функционирует на основании сегрегированной сети инфраструктуры»²⁰. Разрывы коммуникации между отдельными гражданами и даже культурами, возникновение охраняемых, закрытых пространств, приводит к формированию зон сегрегации.

Развитие сетевой структуры серьезным образом сказывается на системе государственного управления, связи органов различных уровней. В эпоху глобализации, местные правительства действуют в качестве посредников, которые связывают локальные потоки граждан с глобальными потоками власти и денег. Большинство уровней управления, включая национальный, одинаково уязвимы в вопросе своей способности функционировать изолированно. Возникает новая тенденция объединения государственных институтов всех уровней. Часто в эту систему встраиваются и неправительственные организации.

Кастельс обращает внимание, что не только на уровне официальных органов управления, но и в развитии общественных движений вопрос непрерывной коммуникации стоит крайне остро.

Два основных направления, волнующих общественные движения, это борьба за аутентичность городских мест, и также борьба за улучшение экологической обстановки. Сообщества привязаны к месту, они действуют на локальном

---

²⁰ Castells M. Space of Flows, Space of Places: Materials for a Theory of Urbanism in the Information Age. LeGates, Richard T.; Frederic Stout, 2011 The City Reader, Fifth Edition (Routledge Urban Reader Series) Taylor & Francis. Kindle Edition, p. 612.

уровне, им не хватает некоторого фактора, способного переместить как сообщества, так и места в «пространство потоков», а потому они только делают вклад в дальнейший разрыв гражданской коммуникации на глобальном уровне. Стоит обратить внимание на то, что Дэвид Харви (см. гл.1.3 данной работы), также утверждает, что представление о сформированных сообществах как о способе разрешения всех социальных проблем, довольно опасно. В представлении М. Кастельса, чрезмерный акцент на жизни сообществ ведет к разрыву постоянного потока коммуникации, в концепции Д. Харви – затвердевшая форма встает на пути динамики развития города.

Подводя промежуточные итоги, необходимо отметить, что в «пространстве потоков» происходят наиболее важные процессы, связанные с экономической, политической, технологической жизнью общества. Они мобильны, для их элементов характерна высокая скорость взаимодействия. Они имеют виртуальный характер, не соприкасаются с материальным пространством. Однако в физическом пространстве находятся узловые центры – места координации потоков, организованных в сеть. Пространство потоков элитарно, оно минует географические барьеры, обладает высокой степенью свободы, является гибким и располагающим к трансформациям. Его противоположность – пространство мест, характеризующееся противоположными качествами: замкнутостью, неподвижностью и отсутствием рычагов влияния и власти.

Представление о доминировании пространства потоков над пространством мест, противопоставление и противостояние двух данных составляющих приводят город в движение и трансформацию.

С точки зрения функциональности, сетевое общество организовано на оппозиции глобального и локального. Города как системы коммуникации должны соединять в себе два противоположных движения одновременно. Здесь кроется один из источников многочисленных городских конфликтов. Городское развитие должно отвечать интересам как глобальных, так и локальных процессов, однако они существуют по двум различным логикам, и попытка системы «отвечать» на эти два типа запросов, зачастую приводит ее к коллапсу.

Еще одной важной проблемой, которую не обошел вниманием М. Кастельс, является вопрос индивидуального и общественного развития в пределах города.

Общество движется в двух разных направлениях: персонализма и коммунализма. Оно существует между двумя данными процессами и является своеобразным интерфейсом для них. Тенденция, характеризующая эти процессы, воплощается в увеличивающемся разрыве между отдельной личностью и сообществами, что приводит к возникновению большой нагрузки на социальные системы городов как средств коммуникации и институционализации. Вопрос о социальной интеграции звучит с новой силой.

Существует нарастающее напряжение между пространством потоков и пространством мест. Пространство потоков соединяет разрозненные места в интерактивную сеть, преодолевая тем самым разницу географических контекстов. В это время пространство мест организует опыт и деятельность в строго заданных локальных пределах.

Города структурируются и одновременно, разрушаются борьбой двух противоположных логик «пространства потоков» и «пространства мест». Города не исчезают в виртуальных сетях, но трансформируются под действием новой системы сетей и мест. Информационный город строится вокруг этой двойной системы коммуникации.

Глобальный город – это скорее пространственная форма, нежели ярлык, отделяющий одни города от других. Глобальный город – это форма, получившаяся в результате процесса глобализации. «Глобальный город – это не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»²¹.

---

²¹ Мануэль Кастельс, Информационная эпоха: экономика, общество и культура, ГУ ВШЭ, 2000, с.330

Транспортные и телекоммуникационные сети, способность жителей города участвовать в глобальном соревновании и связанные с ними городские «узлы», соединяющие его с глобальной экономикой первыми получают инвестирование и эффективное управление. Судьба экономик метрополий зависит от способности к воспроизведению пространства потоков. Пространство мест становится вмещением пространства потоков, при этом взаимодействие проблематично и рождает много неразрешенных вопросов.

Трудно определить доминирующую культуру города, отличную от той, которую продвигают масс-медиа с помощью мощных каналов воздействия, которыми они обладают. Более того, рыночная модель поведения была в совершенстве адаптирована масс-медиа, предлагая культурные послы «на любой вкус». Однако появление новых способов связи, которые обеспечены пространством потоков, позволяет переопределять значение тех или иных городских мест, причем нередко это происходит со стороны различных групп людей, что придает им большую функциональную и символическую сложность.

Общественные места с их возможностью спонтанного социального взаимодействия стали средством коммуникации, в то время как формальные политические институты стали специализированными местами, естественным образом отделившимися от частной жизни людей. То, как люди способны или не способны выразить себя, а также коммуницировать друг с другом за пределами своих домов и электронных сетей - то есть в общественных пространствах, и является основной областью исследования урбанизма. М. Кастельс называет это «социабельностью (sociability) общественных мест в индивидуализированном метрополисе».²²

Виртуальные сообщества трансформируют модели общения новой городской жизни, хотя характер взаимодействия в таких сообществах отличается от того, где люди встречаются друг с другом лицом к лицу.

---

²²Castells M. Space of Flows, Space of Places: Materials for a Theory of Urbanism in the Information Age, LeGates, Richard T.; Frederic Stout, 2011 The City Reader, Fifth Edition (Routledge Urban Reader Series) (p. 615). Taylor & Francis. Kindle Edition.

Один из важных вопросов, требующих особого внимания, это взаимодействие времени и пространства в информационную эпоху. Кастельс выдвигает гипотезу о том, что в сетевом обществе пространство структурирует время «в противоположность индустриальному обществу с абсолютным доминированием времени, в котором урбанизация и индустриализация считались частью марша универсального прогресса, стирая укорененные традиции и культуры»²³.

Для жителей «пространства потоков» время становится «вневременным» (Уолл Стрит, Силиконовая Долина). Для жителей «пространства мест» время будет определять вашу жизнь (и даже ее биологическую продолжительность, если вы живете, например, в Амазонии).

Кастельс называет пространство потоков элитарным, зачастую эти потоки связаны с финансовой сферой. Нельзя недооценивать утверждение о принципиально возросшей скорости транзакций, однако вопрос пространственно-временных отношений ставится по-новому в связи с развитием новых информационных технологий. В качестве примера можно назвать набирающую обороты высокочастотную торговлю (high frequency trading) – это торговля на финансовых рынках с использованием сверхбыстрых компьютеров. Большинство успешных HFT-компаний занимают офисы в непосредственной близости к бирже. Это доказывает, что даже при все возрастающем значении технологий, стирающих пространство, такое представление не подтверждается в ежедневной практике. География не теряет своей важности, пространством невозможно пренебрегать в построении объяснений характера и природы социальных отношений города.

Описанные в начале главы теоретические истоки представлений стали прочным фундаментом для их дальнейших разработок. Так, несмотря на критику пространственного подхода А. Лефевра, М. Кастельс в разработке своей поздней концепции «пространства потоков» и «пространства мест», приближается не только к идеям, но даже использует терминологию «потоков» (flows) и «мест» (в

---

²³Castells M. Space of Flows, Space of Places: Materials for a Theory of Urbanism in the Information Age, LeGates, Richard T.; Frederic Stout, 2011 The City Reader, Fifth Edition (Routledge Urban Reader Series) Taylor & Francis. Kindle Edition, p. 617

случае английского перевода работы А. Лефевра – fixities). В одном из своих эссе, описывая пространственное планирование, он ассоциирует его с пространством потоков: «пространственное планирование имеет дело с потоками: энергии, материалов, рабочей силы, различных товаров, людей и вещей, знаков, информации и ее понимания, символами, капиталом. Оно пытается соединить и скоординировать эти многочисленные потоки пространства»²⁴.

Ключевой вопрос городского планирования в информационную эпоху состоит в установлении коммуникации внутри города и между городами. Процветание региона и его граждан зависит от способности соревноваться и входить в кооперацию глобальных сетей, производящих знание, благополучие и власть. В связи с этим необходимо осознавать связь городской архитектуры, планирования и их функций.

Восстановление символических значений является основной задачей в период кризиса коммуникации. Это основная задача архитектуры и сегодня она особенно важна для «пространства потоков». Конечно, архитектура не может изменить функции или значения всего городского пространства, но символическое значение должно быть вплетено в материю города, и в этом заключается ключевая роль городского дизайна. По утверждению Кастельса, трендом последнего времени становится переход архитектуры из пространства мест в пространство потоков – основное движение, характеризующее информационную эпоху. Это можно видеть на примерах музеев, конференц-центров, транспортных узлов. Они являются пространствами культурных архивов и мест функциональной коммуникации, которая трансформируется в формы социального выражения и осознанного обмена посредством архитектуры.

Музей Гуггенхайма в Бильбао Фрэнка Гери, аэропорт Барахас – новые «соборы» Информационной эпохи, куда пилигримы приходят в поисках смыслов. Проблема состоит в том, что они хороши сами по себе, но

---

²⁴ Lebre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*, University of Minnesota Press, 2009, p. 201

неорганичны, не вплетены в ткань города. За их интеграцию ответственно городское проектирование.

Социо-пространственное «лечение» городских форм, восстановление культуры городов – вот что называется городским планированием по мнению Кастельса. Оно должно соединять жизнь отдельных людей, сообществ и глобальных потоков через общественные места. Это места проявления гражданственности, воспроизведения культуры и систем коммуникации. Сила, противостоящая тотальной приватизации и милитаризации пространства.

1.2. Анри Лефевр: производство городского пространства

В первой главе имя Анри Лефевра и некоторые из его идей рассматривались в качестве одного из истоков творчества и объектов критики Мануэля Кастельса.

В данной главе будет представлена более целостная картина, касающаяся концепции производства пространства А. Лефевра. Трудно переоценить значение его работ по проблемам повседневности, развития городского пространства и проблемам справедливости. Он был одним из идейных вдохновителей развившегося впоследствии направления критической географии, реализовавшегося в идеях значительных фигур социальной мысли: Дэвида Харви (см. главу 1.3 данной работы), Эдварда Сойи (см. главу 1.4 данной работы), а также Долорес Хайден.

По мнению Лефевра, вопрос изучения пространства первичен в городских исследованиях по отношению к вопросу изучения времени. Он объясняет это следующим образом: «Противоречия пространства, которые все еще предстоит раскрыть во всей полноте, заменяют собой противоречия времени, хотя и порождают, таким образом, еще большее количество конфликтов»²⁵. Он утверждает, что новая концепция, связанная с пространством и разворачивающаяся в мировом масштабе, заменила собой идею историцизма, исторического времени и исторического детерминизма. Все они являются продуктами преодоленного прошлого.

В настоящее время «капитализм и нео-капитализм производят абстрактное пространство²⁶, являющееся отражением мира бизнеса национального и международного уровней, а также власти денег и политики государства...»²⁷. Теперь же пространство знания и знание пространства идут рука об руку.

Вопрос изучения пространства имеет определенные методологические трудности, появляющиеся уже на стадии определения того, что же является

²⁵ Lebrve, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*, University of Minnesota Press 2009, p. 199

²⁶ Абстрактное пространство характеризуется автором как репрессивное в отношении времени. Оно отрицает время в качестве абстракции, зависит от пространственных ограничений – расписаний загрузок/разгрузок, перелетов и переправ (Lebrve, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*, University of Minnesota Press 2009, p. 187)

²⁷ Там же, p. 187

городским пространством. На протяжении долгого времени доминирующим представлением было следующее: пространство рассматривалось как «вырванное» из контекста или нейтральное по своей природе, оно «невинно» и не носит политической окраски. Пространство –местилище для содержания и существует только через последнее, само же сформировано на объективной основе математики, технологии и логики пространства.

Однако А. Лефевр в отношении данного подхода делает критическое замечание: «если эта наука является наукой формального пространства, пространственной формы, то она будет состоять исключительно из ограничений, наложенных на содержание (т.е. людей)!²⁸».

Одно из сильных утверждений Лефевра заключается в том, что пространство не является научным объектом, исключенным из идеологии или политики, оно всегда было политическим и стратегическим. Пространство сформировано из исторических и природных элементов, но способ его организации имеет политический характер, оно «населено» идеологиями. Пространство с первого взгляда представляется гомогенным, данным в своей целостности и объективности, чистой форме, однако, по мнению автора, производство пространства является исключительно социальным процессом.

В недавнем прошлом представление о политической природе процесса становилось препятствием на пути рациональности, связывалось со случайной возможностью или чьими-то личными интересами, и в городском планировании проникновение политики автоматически понижало эффективность процесса. В городском планировании такое утверждение о «политическом» расходилось с представлением о нейтральном характере городского пространства.

Лефевр утверждает политизированность пространства и выдвигает теорию городского планирования, в основе которой лежат три ключевых вида планирования.

1. Материальное планирование, изменяемое в тоннах использованных цемента, стали и пшеницы. Основаниями имеет политэкономия и метрику.

---

²⁸ Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*, 2009). University of Minnesota Press, p. 169

2. Финансовое планирование. Использует балансовые ведомости и стоимость производства. Основанием имеет «облагороженную» версия политэкономии.

3. Пространственно-временное планирование. Предполагает знание локализаций, коммерческих сетей, потоков, изучение центров производства и потребления на заданной местности²⁹.

Все приведенные три уровня плохо друг с другом гармонизированы. Последний уровень носит теоретический характер и является основным предметом городских исследований.

Основной метод изучения, по мнению Лефевра, должен строиться на анализе конфликтной, неоднозначной природы городского пространства.

Утверждение о нейтральном характере городского пространства, согласно идеям мыслителя, сильно ограничивает круг потенциально возможных для рассмотрения проблем. Преодоление такого подхода знаменует окончание периода «интеллектуального терроризма»: «Давление техник, техников, технократов, эпистемологии, и поиск чистого технического или эпистемологического порядка привело к интеллектуальному терроризму».³⁰ Невозможно говорить о «репрессивном» пространстве, если оно нейтрально по своей природе.

Один из вариантов двух стратегий внутренней критики Лефевр приводит при рассмотрении Пятого Национального Плана (План городского преобразования Парижа 1966–70-х, ориентированный на децентрализацию).

Долгое время «центрированность» города воспринималась неприкосновенной европейской ценностью. Один из подходов, в качестве реакции на новый план утверждал, что городские центры умирают, в них исчезает деятельность, общество движется в направлении все большей сегрегации. Другой подход состоит в том, что центрированность – это сама суть городской жизни, нет ее – нет и города.

²⁹ Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*. University of Minnesota Press, 2009, p. 171

³⁰ Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*. University of Minnesota Press, 2009, p. 175

Однако нужно посмотреть на эту проблему с другой стороны. Центрированность может стать саморазрушительной (что далее подробно обосновывается), и возможно, может появиться насущная необходимость в нескольких центрах.

А. Лефевр заостряет внимание, как и М. Кастельс, а также Д. Харви – на развитии капитала как источника власти и того ландшафта, который он формирует. Производство пространства зависит от обширной сети банков, бизнеса и центров производства. Тут же происходит интервенция магистралей, аэропортов и информационных сетей. Городское пространство становится центром аккумуляции, местом благосостояния. Производство пространства может быть сопоставлено с производством любого другого вида товара.

Такой процесс производства, обеспечивает пространству «вечную жизнь», большую значимость, закрепляет в системе общественных отношений. Лефевр утверждает политизированность пространства, Кастельс же критически относится к такому представлению. Если для Кастельса городское пространство это уровень выражения социальных отношений, то для Лефевра – предпосылка, предзаданное условие, определяющее характер социальных отношений. Если для Кастельса это внешнее проявление непространственных социальных отношений, что отодвигает его на периферию, то Лефевр конституирует его «внутри» системы объяснений. Распространение городской сети сопровождается фрагментацией города. И это рождает одно из самых значительных противоречий пространства. Город аккумулирует не только благосостояние, это еще и центр жизни: рождения и обучения, место воспроизводства всех социальных отношений. Но также эти отношения подвергаются потенциальному пересмотру. Должна ли городская сеть погружаться в хаос и беспорядок, но с усилением центров принятия решений?

Эффект прогрессивного расширения капиталистического производства пространства приводит к концентрации центров принятия решений, одновременно создавая зависимые территории периферии – «нео-колониальные пространства». Капитал консолидируется использованием пространства, но тот

же процесс ставит под вопрос его доминирование. Политическая сила центра укрепляется с перемещением сюда ключевой позиции принятия решений: «пространство становится приоритетным инструментом для государства. Государство таким образом распоряжается пространством, чтобы соблюдать строгую иерархию, гомогенность целого и сегрегацию частей»³¹. Целостность общества ослабляется с перемещением повседневной жизни на периферию. Власть страдает как в шекспировской трагедии: чем больше она консолидируется, тем больше подвергается опасности распада. Она оккупирует пространство, но под этим давлением оно лишь «расползается». Минимальное последствие этого: кризис воспроизводства социальных отношений. Лефевр, таким образом, делает вывод о парадоксальности расширения капиталистической организации и фрагментации этой же организации на выходе. Способность сил производить пространство на больших территориальных масштабах, поддерживать капиталистическую организацию в каждый момент повседневности постоянно сталкивается с необходимостью воспроизводства отношений воспроизводства. Растет фрагментация пространства повседневной жизни, а увеличивающаяся власть центра подвергается реакции со стороны периферии. Этим отчасти объясняется стремление властей в развитых капиталистических странах передать часть полномочий местным властям.

Таким образом, социальные отношения в рамках города выстраиваются на контрастах. Концентрированные капиталистические производства против заброшенных городских районов, центры власти против «расползающейся», неконтролируемой периферии. Пространство политизировано, место либо обладает властью, либо ей подчинено. Но при всем этом, город впадает в противоречие по отношению к самому себе, в свете растущих контрастов. Забывая о необходимости заботы о балансе благ, центры, консолидировавшие и экономическую и политическую власть, лишь приближают трансформацию собственного доминирующего положения.

---

³¹ Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*. University of Minnesota Press, 2009, p. 188

В первой главе данной работы, посвященной идеям Мануэля Кастельса, говорилось о «пространстве потоков» и «пространстве мест» и в качестве примеров подобного употребления терминологии «потоков», значение которых у обоих исследователей совпадает. Представление же о «пространстве мест» в концепции М. Кастельса и мест («fixities» – что более всего соответствует жестким, устойчивым, закрепленным структурам) А. Лефевра, отличаются. Для последнего это и есть сами города – «центры принятия решений, институты, различные виды собственности»³².

Таким образом, для А. Лефевра, двоякая природа города, и под этим подразумевается двоякая природа его пространства, является корнем противоречия и социального противостояния. Он не спешит давать ответ на вопрос, во что это противостояние трансформируется, но говорит о проведенном раз и навсегда различии далекого и близкого, о разделении географического и геополитического порядков.

1.3. Дэвид Харви: город и неравенство.

Дэвид Харви является одним из самых влиятельных мыслителей современности, рассматривающих вопросы географии, сопряженные с проблемами городской справедливости. Он был одним из основателей направления радикальной географии, позднее оформившейся в более фундаментальное направление критической географии. (Направление критической географии основывается на идеях Франкфуртской школы в анализе вопросов географии).

Один из вопросов, рассматриваемых Д. Харви в его трудах и представляющий интерес в данной работе, это объяснительная способность урбанизации в рассмотрении социальных процессов.

Первый вопрос, которым задается Д. Харви, состоит в следующем: почему в дискуссиях фактор «городского» (the urban), так редко появляется в качестве категории анализа? Мы наблюдаем частое использование других популярных

---

³² Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*. University of Minnesota Press, 2009, p. 202

категорий, таких как модернизация, современность, постмодернизм, капитализм, индустриальное, постиндустриальное общество. Он утверждает, что все наблюдаемые сегодня политико-экономические процессы происходят при «посредничестве» городов. Д. Харви задается вопросом: почему, если концепция демократии не подвержена влиянию, ее реализация в Сан-Паулу и Древних Афинах так отличаются?

Один из фундаментальных **методологических вопросов**, принципиально важных для прояснения характера городской природы, состоит в определении разницы таких категорий как **форма** и **процесс**. В городском контексте с ними связаны понятия «города» и «урбанизации». Именно рассмотрение этого вопроса поможет понять, почему само понятие «городского» и урбанизации так долго исключалось из объясняющих факторов.

Отношения между процессом и формой постоянно усложняются их взаимным влиянием – результат процесса, воплощенный в определенную форму, влияет на характер продолжения самого процесса. С учетом длительной истории существования городов и тех процессов, которые привели к формированию устойчивых городских форм, все они на сегодняшний день соседствуют и взаимодействуют друг с другом, вплетенные в городскую «ткань». Город – это своеобразный палимпсест, в котором произошло наложение самых различных слоев, сформированных в разные исторические времена.

Почему город как форма и процесс урбанизации недооцениваются в качестве инструментов социального анализа? Преуменьшение значения урбанизации может происходить только при определенном подходе к вопросу «времени/пространства». Этих способов рассмотрения, в системе Харви, может быть три: первое заключается в представлении о том, что время/пространство являются абсолютными и рассматриваются как вместители социальных процессов. Второе рассмотрение с точки зрения теории А. Эйнштейна, согласно которой, хотя время и пространство все еще являются вместителями, но имеют отношения к тому процессу, который в них происходит.

Третий способ рассмотрения – реляционный взгляд, утверждающий, что пространство и время не существуют за пределами происходящего процесса, он их определяет. Различные процессы задают отличные пространственно-временные рамки. В городах он сосуществуют, накладываются друг на друга, тем самым создавая условия для социальных конфликтов и противоречий.

Этот ход рассуждения, по мнению Харви, справедлив и для города. Урбанизация и сам город, как воплощенная в форме урбанизация, определяют характер социальных процессов. Именно за счет этого «круговорота» и возникает формирование городов с политической, социальной организациями и физической структурой.

Исследователь делает вывод о том, что процесс урбанизации – это «набор конфликтующих гетерогенных процессов, производящих **пространственные темпоральности** (spatio-temporality) наряду с вещами, структурами способами, ограничивающими природу социального процесса»³³.

Харви уделяет особое внимание необходимости реконцептуализировать урбанизацию в качестве процесса производства пространства и пространственных темпоральностей (spatio-temporality). Он также подвергает критике довлеющее на протяжении некоторого времени представление, что формирования сообщества (community) может стать панацеей от всех социальных проблем города. Актуальным, в данном случае, остается вопрос о том, будет ли обладать сформированное сообщество освободительной силой, способом разрешения конфликтов или наоборот выступит способом изоляции людей?

Проблема, по мнению Харви, заключается не в том, что люди хотят создать множество сообществ в качестве средств борьбы с социальными столкновениями, а в представлении, что сообщество – окончательный продукт, достигнутая цель, а не процесс. Так, в проектах городов Эбензера Ховарда или Корбюзье, Харви видит ту же проблему, что и с формированием сообществ –

³³ Harvey D., *Contested Cities: Social Process and Spatial Form* from Nick Jewson and Susanne MacGregor (eds), *Transforming Cities*, 1997 LeGates, Richard T.; Frederic Stout, 2011 *The City Reader*, Fifth Edition (Routledge Urban Reader Series) (p.250). Taylor & Francis. Kindle Edition.

законченному проекту, отчасти «вещи» отдается больше значения и власти, чем процессу его формирования.

Одной из иллюстраций отношений в городском пространстве, рассматриваемых Харви, становится взаимодействие капитала и физического пространства города.

Капитал воплощается в форме физического ландшафта, созданного «под себя» для дальнейшей аккумуляции ресурсов. Географический ландшафт венчает успех развития предшествующего капитала. В то же время, он выражает силу прошлого против изменяющегося настоящего и выливается в систему физических противоречий. Капиталу приходится «лабирировать» между поддержанием циркуляции более ранних вложений и одновременно разрушать пространства этих инвестиций, чтобы освободить место для дальнейшего развития. Конкретный пример тому демонстрирует другой важный для рассмотрения проблемы городского пространства исследователь Ричард Сеннет (см. глава 1.5): «Из всех городов мира Нью-Йорку в наибольшей степени приходится заниматься самоуничтожением, чтобы обеспечивать собственный рост; через сто лет человечество будет располагать более обширными материальными свидетельствами о Риме времен императора Адриана, нежели о Нью-Йорке эпохи оптоволокна»³⁴.

Таким образом, в процессе развития капитализма происходит циклическое создание физического ландшафта капитала, сменяющееся его последующей ликвидацией (это характерно для кризисных периодов). Временные и географические «приливы и отливы» инвестиций, по мнению Д. Харви, могут быть объяснены только в терминах этих процессов.

Д. Харви строит свою концепцию, опираясь на представления о «природе» трех составляющих: теории урбанизма, справедливости и пространства. Рассматривая социальные процессы и пространственные формы, он затрагивает проблему теоретических основ городского планирования, проводит различие

---

³⁴ Р. Сеннет. Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк. Неприкосновенный запас, 2010 №2(70) <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/se16.html>

географического и, следуя Ч. Миллсу³⁵, социологического воображений. «Адекватное понимание города построено на социологическом и географическом воображениях. Мы должны связать социальное поведение с определенной городской географией, конкретными пространственными формами. Распознавание этого важно потому, что однажды созданная пространственная форма стремится институционализировать социальные процессы и определить их дальнейший ход. Более того, необходимо сформулировать понятия, позволяющие определить характер взаимодействия социальных процессов и элементов пространственных форм»³⁶.

Обобщая представления Харви о взаимодействии капитала с физической средой города и концепцией рассмотрения этих процессов, следует суммировать:

1. существуют отношения капитала и физического ландшафта, в котором он воплощается;
2. ландшафт – это инструмент капитала, его пространственное продолжение;
3. взаимодействие двух методологических составляющих – географического и социологического воображений также неотделимы друг от друга, как и их предметы – капитал от физического ландшафта.

Эти представления находят отражение во взглядах Э. Сойи, активно защищающего позицию «пространственности» (spatiality) в качестве организующего принципа, который реализуется в трех составляющих: физической, ментальной и социальной.

Краеугольный вопрос, ставший одним из основных предметов исследования Д. Харви и касающийся капитала и пространства – это проблема **формирования ландшафта несправедливости**.

Д. Харви одновременно использует понятия географического и социологического воображений для анализа динамики городского пространства метрополиса после кризиса 1960-х годов. В ходе исследования он приходит к

³⁵ Миллс Ч. Р. «Социологическое воображение» (1959)

³⁶ Harvey D. Social Justice and the City. University of Georgia Press, 2006, p.27

важному выводу: нормальная работа городских систем, ежедневные практики урбанизма как способа жизни стремятся к производству и воспроизводству регрессивного распределения реального дохода, что служит благу богатых в ущерб благу бедных.

Д. Харви описывает капиталистический город как машину, основной функцией которой становится производство неравенства. Именно поэтому созданный в контексте городской географии, с определенным характером взаимодействий социальных процессов и пространственных форм, город становится плодородным местом для аккумуляции несправедливости. Он специфицировал перераспределительную (*redistributive*) динамику в конкретных реалиях. Например: естественные операции свободного рынка с землей, рабочей силой, торговлей, финансами; изменяющийся объем прав частной собственности (особенно увеличиваемое или уменьшаемое общественными вложениями) и снижение банковских рисков; системы расположения и установления цен супермаркетов – все это заставляет бедных граждан платить больше. Неравенство, возвращенное свободным рынком, развивается не из-за сговора или коррупции, а из-за стандартов рыночных соглашений и конкуренции, потому что бесконтрольное городское экономическое пространство работало на достижение максимума организационной эффективности капиталистического развития.

Характер ежедневных практик городского планирования и решений, принимаемых либеральными (и даже радикальными) планировщиками, часто приводят к «великим катастрофам планирования», о которых так любят писать критики.

Городская общественность никогда не действует как свободный агент, но всегда заключена в мощные экономические и политические поля, сформированные рыночной конкуренцией и связанные с поведением, ориентированным на максимизацию прибыли.

Без общественного контроля над силами рынка, даже наиболее инновационные и прогрессивные программы планирования подвергнуты риску воздействия механизмов, по самой своей природе порождающих неравенство.

Д. Харви в одной из своих ключевых работ обращает особое внимание на «процесс урбанизации под действием капитализма»³⁷. Совместив либеральный дискурс и универсальные принципы социальной справедливости, он расширил понятие «территориальная распределительная справедливость» (territorial redistributive justice). Его идеи – одна из важных вех в вопросе распределения благ, городского планирования и городской справедливости, которые будут подробно рассмотрены во втором разделе данной работы.

---

³⁷ Harvey D. Social Justice and the City. University of Georgia Press, 2006, p. 326

1.4 Эдвард Сойя: возвращение городу пространственного измерения

Если Мануэль Кастельс рассматривает виртуализацию города в качестве основного направления его трансформации, то Э. Сойя хочет вернуть ему пространственное измерение. Он видит в этих противоположных направлениях исследовательскую проблему, заключающуюся в отношениях западного марксизма и географии. Именно их неоднозначный характер, по его мнению, стал причиной слабого, деполитизированного представления о пространстве. Предпосылкой стало «неприятие любых форм географического детерминизма в марксизме»³⁸.

В то же время в современной социальной теории большое внимание уделяется вопросу времени и истории. Так, приведенный выше пример информационного общества М. Кастельса, говорит о том, что пространство структурирует время взаимодействия потоков.

Э. Сойя же пытается найти путь к пространственной онтологии города. Пространство для него – продукт социального производства, содержащий как физические, так и ментальные аспекты рассмотрения. Возможность или желание разделить его на объективный и субъективный аспекты представляются иллюзорным. В качестве социального артефакта производимая «пространственность» (spatiality) может быть отделена от физической своей части – материальной природы и ментальной – представлений сознания. Они включены в социальную конструкцию «пространственности», но понятийно ей не эквивалентны.

Несмотря на то, что как физические, так и психологические процессы могут быть теоретически осмыслены независимо от своих пространственных измерений и свойств, все три формы – физическое, ментальное и социальное – неразрывно связаны.

Пространства природы и сознания не только интегрированы в социальное производство «пространственности» (spatiality), но сами в этом процессе

---

³⁸ Soja E.W. Postmetropolis: Critical studies of cities and regions. Oxford: Blackwell, 2000, p.47

трансформируются. И эта включенность рождает методологические проблемы как в независимом исследовании их самих, так и использовании их как инструмента в социальном анализе.

Как материальное пространство физической природы, так и идеационное начало человеческой природы социально производимы и воспроизводимы. Как первое, так и второе должны быть осмыслены в качестве онтологической и эпистемологической частей пространственной составляющей социальной жизни.

Приведенные выше рассуждения находят более конкретное воплощение в описании города как основного источника производства социального, с точки зрения пространства. Здесь Сойя использует аристотелевское понятие синоикизма (*synoikismos*).

Он рассматривает синоикизм как: «активный социальный и пространственный процесс, связанный с образованием культурной и политической конфедерации вокруг особого территориального центра: полиса или метрополиса»³⁹. Причем, этот процесс связан с проведением специфически городской политики, идеями гражданского общества, новшеств, творчества, основ городской цивилизации.

Автор расширяет представление о синоикизме, рассматривая его как непрерывный, динамичный процесс. Синоикизм связан с пространственным своеобразием урбанизма - материальным и символическим измерениями городской жизни.

Особенность этого подхода заключается в том, что исследовать социальную динамику можно исходя из объяснительной возможности самого процесса урбанизации. В этом состоит принципиальное расхождение Э. Сойи от М. Кастельса. Для последнего город сам по себе не имеет никакой объяснительной силы (один из аспектов его критики Чикагской школы). Городское пространство - это, в первую очередь уровень отражения характера существующих социальных отношений, однако, никакого эффекта на отношения не накладывающее.

---

³⁹ Э. Сойя Как писать о городе с точки зрения пространства?// Логос 3(66) 2008, с.131

Однако Э. Сойя считает, что пространственные барьеры значительно влияют на характер социальных отношений. Расширение границ города и все большая связь с агломерациями приводит к необходимости решать множество технических вопросов. Нужно поддерживать нормальное функционирование и связь центров и их агломераций. Это означает стратегическое объединение и создание узловых точек для экономии времени и сил, нахождение решений вызовам расстояния. Зачастую, они носят творческий, инновационный характер, то есть должны быть нестандартными. Не так много социальных теоретиков говорили, что города сами по себе влияют на характер социальной жизни. Так, Э.Сойя был солидарен с мнением А. Лефевра, утверждавшего, что развитие общества в целом можно понять только через изучение и реализацию модели городского общества. Социальные отношения реальны, только если вписываются и в материальное, и символическое пространства.

Специфика урбанизма как пространственного явления, нашла воплощение в экономической реструктуризации, особенно ярко проявляет себя в кризисные периоды, начиная с 1960-х годов. Именно с этого момента можно говорить о пространственном закреплении (*spatial fix*), реорганизации географии экономики.

В заключение стоит заметить, что для Э. Сойи пространство – принцип организации социальных отношений, определяющий их характер.

1.5 Ричард Сеннет: Плоть и камень городского пространства

Ричард Сеннет на протяжении многих десятилетий занимается изучением вопросов урбанизма и сопряженными с ними проблемами нового капитализма⁴⁰, публичных пространств⁴¹, и роли человеческого опыта в городе⁴².

Городское пространство рождает многосложный опыт не только для человеческого сознания, но и для тела. Одновременно физическая и социальная практики перемещений, столкновений, взаимодействий, формируют характер городского пространства. Анри Лефевр, в одном из своих ключевых эссе о глобальных процессах, происходящих в городах, утверждал следующее: «путь рассмотрения пространства [городского], не может быть отделен от другого пути – тела (что является связью теоретического знания и тела как основания практики)»⁴³.

Хотя теоретический подход А. Лефевра значительно отличается от исследований Р. Сеннета, оба они разделяют сильное утверждение о политизированности городского пространства. А. Лефевр как противник историцизма, отвергает значение исторического контекста, в то время как Р. Сеннет, для подтверждения своих представлений, наоборот погружается в культурную реальность Древней Греции и Рима. Отличие также состоит в том, что они по-разному рассматривают концепцию времени и его роль в социальных отношениях города.

Как рассматривалось ранее, для А. Лефевра время теряет свою значимость, оно фактически исчезает и не учитывается в системе объяснений социальных процессов, роль пространства же предельно возрастает. Другой исследователь М. Кастельс, рассматривая «пространство потоков», указывает на мгновенность происходящих в нем событий. Так при различии подходов, в обеих концепциях

⁴⁰ Richard Sennett, *The Culture of the New Capitalism*, Yale University Press, 2006

⁴¹ Richard Sennett, *The Fall of Public Man*, Penguin Books, 2002

⁴² Richard Sennett, *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*, W. W. Norton & Company; Reprint edition, 1996

⁴³ Lefebvre, Henri, *State, Space, World: Selected Essays*, University of Minnesota Press 2009, p. 198

значение времени подвергается сильной трансформации. Р. Сеннет, рассматривая пространство города с точки зрения человеческого опыта, практики ежедневных перемещений, указывает, что любое пренебрежение временной природой человеческого существа, множественные попытки «убить время» (начавшиеся задолго до современности), сопряженные с определенным порядком, могут иметь серьезные негативные социальные последствия.

Статус человеческого тела на протяжении всей истории западной цивилизации претерпел ряд трансформаций. Общественные изменения, носившие локальный или общекультурный характер влияли на отношение к телесности, которая возвышалась или принижалась, становилась попеременно предметом гордости или стыда. Она всегда была вплетена в социальную канву, в траектории физических и общественных перемещений. Перенесение принципа телесной организации на архитектуру или городское зонирование является одним из первых, самых древних способов установления отношений между людьми и тем пространством, в котором они ежедневно находятся.

В современных городах, потоках постоянных пространственных перемещений, на уровне физического пространства созданы «силовые поля», определяющие характер ежедневного движения, реакций тел друг на друга и отношение к окружающему их ландшафту. Город сегодня характеризуется парадоксальным восприятием телесности, одним из побочных эффектов которого становится депривация чувств, находящая масштабное отражение в архитектуре: тусклость, монотонность, и тактильная стерильность, и это тем более парадоксально, в связи с тем, что основной тенденцией последнего времени в отношении телесности является привилегированность телесных чувств.

Р. Сеннет замечает, что пространственные отношения человеческих тел принципиально влияют на взаимодействие людей, их реакции друг на друга, то, как они видят и слышат. Тот факт, что сейчас появляется все большее количество закрытых комплексов, будь то загородный торговый центр, или индустриальный парк, жилой поселок, бизнес центр – изменяет характер

взаимодействия людей – делает тело более пассивным, погружает в мир ослабленной тактильной реальности.

Это в высокой степени относится к перемещению в городском пространстве: мы измеряем пространство тем, насколько просто и беспрепятственно можем по нему перемещаться, и что принципиально важно – время, за которое его можно преодолеть.

Развитие транспорта направленно на увеличение эффективности передвижения и минимизации препятствий, устранения разрывов в коммуникации, в данном случае транспортной. Совершенствование технологий способствует ликвидации разрывов связи, а потому и физический опыт путешествия на автомобиле это – ровные дороги и картины, синематографично проносящиеся за окном.

Представители совершенно разных профессий – инженеры, и работники телевидения внезапно стали заниматься одним делом – созданием свободы от сопротивления, ликвидацией чувства дискомфорта, то есть уходом от телесности.

Одной из фобий в современности становится страх касаний, соприкосновений, контактов⁴⁴. Они во всей своей полноте воплощены в современном городском планировании: в отделении жилых районов от бизнес-центров, богатых людей – от бедных. Замкнутое сообщество, без контактов с внешним миром успешно продается в качестве образа «лучшей жизни».

В одной из своих наиболее примечательных работ, концепция которой здесь рассматривается, Р. Сеннет иллюстрирует городской порядок и хаос любопытным примером из живописи: контраст, изображенный на двух гравюрах Уильяма Хогарта – «Пивная улица», где люди расположены друг к другу, между ними налажена хорошая коммуникация – все это символизирует городской порядок. Другая гравюра «Переулок джина», наоборот, представляющий собой

---

⁴⁴ 'Poor Door' in a New York Tower Opens a Fight Over Affordable Housing, New York Times, Aug. 26, 2014 <http://www.nytimes.com/2014/08/27/nyregion/separate-entryways-for-new-york-condo-buyers-and-renters-create-an-affordable-housing-dilemma.html>

On the Upper West Side, a House Divided by Income, New York Times, July, 25, 2014 [//www.nytimes.com/2014/07/27/nyregion/on-the-upper-west-side-a-house-divided-by-income.html](http://www.nytimes.com/2014/07/27/nyregion/on-the-upper-west-side-a-house-divided-by-income.html)

ужасы, отстраненность людей друг от друга хаотичность городской дезорганизации.

Хотелось бы заметить, что проблема контакта между людьми, и то, каким образом он складывался, в различные периоды западной истории был обусловлен рядом причин, различных по своей природе. Чтобы понять себя или другого человека и те проблемы, с которыми он сталкивается в городском пространстве, необходимо попытаться проследить исторический путь телесности в городском пространстве и ее трансформацию.

Возвращаясь к самым истокам, к библейской истории, мы видим как Адам и Ева после изгнания получают знание о мире, перестав быть детьми Бога, которым все дано в дар. Так и в трагедии Софокла «Эдип и Король», Эдип, потеряв зрение, становится смиренным, приближаясь тем самым к богам. Стресс и экстремальный опыт нашего тела делает нас более осведомленными о том мире, в котором мы живем.

Современные архитекторы и урбанисты частично потеряли связь с человеческим телом, его пропорциями, соразмерностью в своих работах. И может показаться, что эти изменения наиболее удачно укладываются в схему объяснений, связанных с событиями последнего времени: активного постиндустриального развития, развития сетевого общества, массовой культуры. Все это трансформировало представление о соотношении физического и виртуального пространства. Это можно считать одним из факторов, но проблема восприятия телесности заявила о себе на заре истории.

С самого начала нашей цивилизации был брошен вызов телом в состоянии страдания. Страдание не было принято в качестве неотъемлемого опыта, самоочевидного в своем значении. Телесная боль была частью повествования в греческих трагедиях и ранней христианской литературе.

Стоики культивировали нейтральное отношение как к боли, так и к удовольствию, в то время как их христианские преемники совмещали безразличное отношение к собственной чувственности с активной вовлеченностью в боль окружающих людей. Западная цивилизация отказалась

натурализовать страдание, лечить боль как подвластную социальному контролю, или принять ее на уровне более высокой концептуальной схемы мышления.

Целостность, тождество, согласованность – ключевые слова, характеризующие идеальное тело на языке власти. В сакральном изображении тело представляется в борьбе с собой, в качестве источника страдания и несчастья.

Город и его пространство как место реализации власти, должен функционировать как одно согласованное целое. Однако ежедневная практика людей, живущих в городе, разрушает это представление.

Город собирает вместе множество различных людей, увеличивая сложность социальной жизни, люди в городе являются странниками по отношению друг к другу. Многочисленные аспекты городского опыта, такие как разнообразие, сложность, отстраненность, создают сложную городскую географию.

Произведенный Р. Сеннетом анализ взаимного влияния телесности человека и городского пространства, задающего направление взгляда и голоса, принципиально важен для лучшего понимания человека, который ежедневно «переживает» пространство и время в пределах города не только как физического, но и символического пространства.

Афинский полис. Основными идеалами афинского государства были открытость, толерантность и космополитизм.

Открытость касалась не только общественных институтов, возможности волеизъявления и права голоса. Она также имела буквальное значение и проявлялась в наготe человеческого тела, символизировавшего не столько физическую, сколько гражданскую силу. Фукидид в своем описании Пелопонесской войны замечает, что спартанцы были первыми нагими участниками игр, однако со временем облачились в одежду, тем самым отойдя от прежних идеалов.

Греки сделали наготу предметом почитания, восхищения и гордости. Она стала признаком гражданственности, отражала включенность в общественную жизнь, в первую очередь политическое участие.

Эта всеохватывающая идея разоблачения, демонстрации, раскрытия, являясь руководящей идеей греческого полиса и воплотилась «в камне» - одном из величайших творений эры Перикла – Парфеноне. Он формировал городской ландшафт, приковывал к себе взгляды, и был виден из любой части города, был ежедневным напоминанием о ценностях той культуры, в которой жили афиняне.

Демократические политические пространства города и типичная для них «оголенность» стали чертами города, напоминавшего дом, где не нужно скрываться, местом, где вся общественная жизнь была напоказ. Эти качества городского пространства становились предметом гордости и противопоставлялись культуре варваров, которые не создали столь сильного архитектурного «слова», отражавшего политическую реальность. Перикл воспевал гармонию камня и плоти, которая, по его убеждению, правила в Афинах.

Представления о различной телесной природе людей находило отражение и выполняемых ими социальных ролях, обозначало границы их социальных возможностей. Разделение это уходило глубоко в историю и находило отражение на различных ее этапах, начиная с цивилизации шумеров. Оно было простым: мужчины граждане обладали «горячей» природой, женщины и рабы – «холодной». Соответственно мужчины граждане упражняли тело, участвовали в спортивных состязаниях, были способны на быстрое действие и реакцию, развивали ораторский дар и превращали свои слова в действия.

Женщины, обладая «холодной» природой, носили закрытую одежду, и практически не появлялись на открытых пространствах города, принадлежа его внутренней части – интерьерам домов.

Обращение с рабами тоже соотносилось с представлениями о температурах тела: жестокие условия содержания рабов должны были их «остудить», как и отсутствие права голоса.

Таким образом, представление о температурах тела, его природе, непосредственно влияло на систему доминирования и подчинения в городе.

Один из исторических моментов, запечатленных в трудах Фукидида и отражавших основные ценности афинского государства, является «Надгробная речь» Перикла. Она прославляла павших на полях Пелопонесской войны греческих воинов. Сам исторический момент произнесения речи, связанный с трагическими событиями и ее содержание, находятся в противоречии. Возникает вопрос: так ли важен и плодотворен принцип открытости для общественного развития? Или открытость должна быть заключена в определенные границы для защиты самого принципа?

Говоря о противниках, Перикл акцентирует внимание на первичности общественных дел, принижая врагов тем фактом, что они делали приоритетными скорее частные, нежели общественные заботы. Полис для Перикла и его современников был не просто местом на карте, а местом, где люди достигали единства и служили общественному благу.

Мысль единства физически сводила город в одну точку. Так Парфенон был видим изо всех сторон и провозглашал собой принцип открытости, указывал, что все самые главные события полиса происходят на открытых пространствах города, что городской «объем» строится на игре поверхностей. То, как человек смотрит на Парфенон, сегодня принципиально отличается от того, как на него смотрели в 431 году до н. э. Современный обзор неминуемо строится на анализе фасада и скрывающегося внутри интерьера. В случае Парфенона его внешняя поверхность и есть то, что несет информацию, важную для восприятия города.

Разделение на «горячую» и «холодную» природы, которое изначально шло из физиологии, нашло отражение и в социальном устройстве и иерархии. Чрезвычайно важно в социальном плане то, что слова тоже имели свою «температуру». Для Платона «горячие слова» и «накаленность спора» имели практически буквальное значение. Диалектика и дебаты «разогревали» тела, уединенные размышления их «остужали». Столь привычное для нас чтение текста, чтение «про себя» не было характерным для греков, любой текст – это

чья-то записанная речь, так интерпретация текста – это диалог с тем, от лица которого идет в нем повествование. Потому одинокие тела, которые не разговаривают и не имеют возможности читать, хладеют. По этой причине «холодными» представлялись и тела рабов, лишенных возможности высказывать свое мнение. Эта та грань, которая проводится между гражданином и рабом, отражающая одну из самых важных ценностей полиса – возможность донести свою речь.

Гражданский голос. Демократические реформы, проведенные Клисфеном, даровали гражданам *isegoria* – равенство в агоре, за которым последовала свобода слова, гражданам было даровано право голоса. Сама агора ассоциировалась с физическим местом жительства и рождения демократии, где каждый мог открыто высказаться и быть услышанным. Также здесь принималось решение по лишению гражданина голоса – остракизма, десятилетнего изгнания. Здесь, рядом с агорой находилась гелиэя – место проведения судебных тяжб, заседания всегда собирали большое количество граждан. Открытость агоры находила здесь свое продолжение, архитектурно выражалась в низких стенах, так что каждый мог свободно заглянуть или зайти внутрь. И первое, и второе – пространства споров и дебатов, места проявления «горячей» гражданской природы, которая, по убеждениям греков, исходила от тепла тел. Однако политический декор агоры со временем стирался, и голоса, звучавшие здесь, эхом разносились по различным институциональным органам, находя там постоянное прибежище. Постепенно агора стала терять свой политический голос, одновременно, другие части города стали его приобретать, расширяя политическое пространство Афин.

Несмотря на историческое изменение роли агоры, невозможно отрицать, что именно здесь было заложено множество общественных традиций, имеющих общественное значение и физическое проявление. Главная площадь – это шумное место, с большим количеством людей и интенсивным движением, она задает свои порядки передвижения и неподвижности. Передвигаться по агоре необходимо быстро и целенаправленно, при этом избегая суеты. Стоять,

проявляя спокойствие и достоинство. Такой порядок сопоставим с ритмами современных больших городов, в которых жителя легко отличить от туриста по целенаправленности его уличного передвижения и «умения» ходить, которое также служит проявлением единства и солидарности. Перикл в Надгробной речи восхвалял мужей государства за единство и быстрый, решительный переход слова в дело⁴⁵.

Однако идеалам, которые зародились на главной площади, было суждено серьезно трансформироваться, не преодолев и нескольких километров города.

Булевтерий (Дом Совета) – первое место, здание, архитектура которого заставляет слово и произносящий его голос звучать иначе, чем на агоре. Внутри здания располагались высокие вертикальные стулья, стоящие по кругу, все они были обращены в центр, где должен стоять оратор. При рассмотрении вопроса и вынесении решения, все члены совета внимали одному голосу, а также могли прекрасно видеть друг друга. Это положение реверсивно ситуации агоры: говорящий голос только один, внимающие ему – строго определенное количество членов совета, стулья которых расположены таким образом, что в случае голосования они могут визуальнo «ориентироваться» друг на друга.

Схожую архитектуру, задающую такой же путь восприятия звука, мы видим в театре. Власть голосу здесь дает расположение мест, а также характерные особенности акустики. Так, голос слышен на последних рядах в три раза лучше, чем в непосредственной близости к сцене. Обратное же силы не имеет – звук с последних рядов не долетит с той же звонкостью до сцены. Театр воплощает собой «архитектуру индивидуального представления»⁴⁶.

Если агора – это место стоящих или стремительно передвигающихся людей, то театр – это место сидящих людей. Сидеть для афинского гражданина, обладателя горячей энергии, активного деятельного начала и слова – позиция

---

⁴⁵ Фукидид. Из речи Перикла над могилами воинов. Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 1. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. Греческая литература. М., "Просвещение", 1965

⁴⁶ Richard Sennett, *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*, W. W. Norton & Company; Reprint edition, 1996, p.60

пассивная и уязвимая, а также мало характерная. Действие, происходящее в театре, подчиняется высшему смыслу трагедии, представленной на сцене, все находится в состоянии пафоса («страдания»), что серьезно противоречит телесному идеалу целостности, силы и активной позиции гражданина, всегда устремленного вперед.

Театральная организация находит отражение в заседании главного политического органа – эклессии, собиравшегося на холме Пникс. Оратор, стоящий перед народным собранием, уподобляется актеру, которому внимлет публика. Однако между театральной и политической сценой пролегает одно принципиальное различие. Актер проводит зрителя в напряжении по уже известной сюжетной линии, ведущей к определенному финалу. В политике ситуация иная: у оратора всегда есть шанс благодаря своему красноречию изменить исход «представления». Пользуясь искусными методами риторики, он пытается склонить присутствующих граждан на свою сторону, к какому бы вопросу не относилась его речь.

Афиняне боялись убедительных ораторов, понимая, что созерцаемое ими действие – ни что иное как манипуляция, способная повредить функционированию государства. Риторика – это то, что «раскачивало лодку» народного совета и отдаляло его от момента принятия решения. Она способствовала возвращению горделивого отношения к «горячему» телу и слову, но, возникшая в качестве объединяющей силы, мысль о телесном идеале не привела к «коллективному самоконтролю тела политического»⁴⁷. Открытость различным точкам зрения, способность рассмотреть объект со всех сторон привела к парализации способности действия.

Вновь возвращаясь к речи Перикла, прославлявшего афинский строй и падших воинов, невозможно не задаться вопросом о том, не стали ли провозглашенные идеалы причиной поражения в войне? Возможно ли, что страстное стремление воплотить идеалы в жизнь привело к саморазрушению,

---

⁴⁷ Richard Sennett, *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*, W. W. Norton & Company; Reprint edition, 1996, p.64

последствием которого стало военное поражение. «Гражданское тело в своей политической позе было обнажено и незащищено перед властью голоса»⁴⁸.

«Горячее тело» как часть провозглашаемого гражданского идеала в демократической риторике не смогло сохранить рациональный контроль в спорах. И этому не смогли найти «противоядие» в камне. За понятием человека стоят непримиримые и дезорганизованные силы, и лучшее отражение это находит в городских ритуалах. По убеждению Р. Сеннета, человек – это животное в состоянии войны с самим собой.

Геометрия вечности. Строительство Адрианом Пантеона символизирует собой особую эпоху римской истории. Переход от язычества с множеством незримых глазу, но присутствующих всюду богов, к набирающему силу, но все еще тайному христианскому движению. Пантеон был архитектурным свидетелем драматических событий и нравов своего времени. Римской Империи было необходимо визуальное подтверждение своей власти, статуса и вселенского, универсального по значению могущества, что отражалось в многочисленных монументах Рима.

Взгляд на человеческую природу рознился у древних греков и римлян. Так если афиняне, осознавая противоречивую человеческую природу, прославляли тело, гордились им, то в представлении римлян тело становится «темницей» для желаний и страстей человека. Темное и разрушительное начало человеческой природы должно быть подвержено строгому контролю и ограничению, в том числе при помощи окружавших его визуальных образов.

Стремление к ограничению отразилось на принципах организации города, его максимального геометрического упорядочивания. Любовь к городской геометрии во многом была связана с представлениями о собственном теле. Так, архитектор Витрувий, показавший на изображениях симметричность

---

⁴⁸ Richard Sennet, *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*, W. W. Norton & Company; Reprint edition, 1996, p.66

человеческого тела, отразил это в своей архитектуре. За этим последовало использование линейной перспективы и симметрии в разработке планов города.

Геометрический, а не исторический подход к городскому планированию зиждился на его вневременном характере. Рим проводил активную экспансию модели собственного городского устройства на завоеванных территориях. Она должна была носить универсальный характер. Если на пути ее воплощения стояли аутентичные местные здания, их просто сносили. Для римлян было важно вновь и вновь воспроизводить одни и те же сюжеты, будто бы продлевая сам Рим за его пределы. Здесь было бы уместно вспомнить характеристику, которую дает империям Н. Луман, определяя характер отношений центра и периферии: «...возникают центры которые вырабатывают символически оформленный и смыслообразующий приоритет центра... и от случая к случаю преследуют миссионерские цели...»⁴⁹.

Рим позиционировался как вечный город, вневременное место. Такое представление позволяет сделать догадку о том, что именно строгие геометрические принципы организации и города и их активная экспансия позволили Риму претендовать на статус «вечного города».

Однако стремление «убить» время города, обеспечить ему вечную жизнь посредством камня, наталкивалось на одно серьезное препятствие – люди воспринимали себя и свои тела во времени, а поэтому находились в конфликте с местом, называемым «Вечным Римом».

Для ранних христиан плоть была тягостна, они надеялись, что эта тягость отступит при сближении с Господом. Мир, на локальном уровне – город и окружающие изображения отдаляют от горнего мира, привязывают к дольному. В этом смысле Пантеон сыграл удивительную роль, трансформировавшись из языческого храма в прибежище христиан, изменив собственную символическую роль в городе.

---

⁴⁹ Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011, Т.2, с. 82

Критичный переход от пантеизма к монотеизму раскрыл серьезную драму человеческого тела, восприятия времени и места. Безграничная любовь к полису сменяется тревогой и поиском уединения. Главные ценности из области гражданского общества перемещаются в область индивидуальной, частной истории.

На Пантеоне, сразу после его строительства, была выгравирована надпись «M. Agrippa L. f. cos. III fecit» – имя Маркуса Агриппы, построившего старый Пантеон. Одной из возможных причин этого могло стать желание продлить существование легенды под названием «Рим».

Адриан прекрасно понимал историю, помнил своих предшественников и с внимательностью учитывал опыт их правлений. Имея своим непосредственным предшественником обладателя непревзойденной славы императора Траяна, хотел продолжить его традиции. Считал важным связать свое имя с именем Августа – первого императора, изобразив на монетах феникса, возрождающегося из пепла – символа восстановления порядка и единства. Он желал минимизировать ощущение перемен, именно поэтому и появилась надпись на Пантеоне, отдававшая дань Агриппе. Сохранение, продолжение традиции представлялось Адриану чрезвычайно значимым. Это нашло отражение в строительстве – он не пытался разрушить уже существовавшие здания, а использовал незастроенную территорию для воплощения своих идей.

Для рассмотрения специфики городского пространства как политического важно сравнить местоположение греческого Парфенона и римского Пантеона. Первый, как упоминалось ранее, расположен на холме, потому хорошо виден из всех точек города. Пантеон же вплетен в плотную канву города, открывается глазу только при приближении к нему. Такая разница в расположении знаковых общественных объектов отражает рознящиеся ценности не только градостроительства, но и тех идейных и ценностных оснований, которые за ними стоят.

Главнейшей целью Адриана было поддержание легенды о неизменности Рима с момента его основания. Рим – это вечный город, универсальный, «земли

народов других ограничены твердым пределом; Риму предельная грань та же, что миру дана».⁵⁰ Поэтому не стоит недооценивать значения масштабных городских построек для авторитета правителя перед лицом его подданных, ведь строительство грандиозных зданий было одним из способов легитимации собственного правления.

И Греция, и Римская Империя прославились своими масштабными географическими завоеваниями и вклад в культуру. При этом одно из чрезвычайно важных отличий их позиции в процессе завоевания заключалось в том, что афиняне не хотели сделать представителей всех завоеванных народов своими гражданами, римляне же преследовали именно эту цель – многократно дублировать римскую столицу и ее идентичность.

Темная, страстная природа человеческой души «проявлялась» в ежедневных рутинных практиках населения. Город магнетически притягивал тех, над кем доминировал, он «распух» от иммигрантов, желающих быть причастным центру богатства и власти. Он был наполнен рабами и бедняками.

Безрадостная действительность, хаотические брожения сделали идею первоначального, неизменного Рима еще более значимой. Все городское устройство должно было продемонстрировать, что под ежедневным унижением, беднотой и неуверенностью лежат настоящие гражданские ценности. В сложившихся условия поддерживать идею «Вечного города» можно было, только превратив его в бесконечно театрализованное представление и его «главным режиссером» должен был стать никто иной, как император.

Театрализованность Рима интересным образом отражается в модели ее имперских завоеваний. Городской планировщик работал с застывшими изображениями – карта нового города уже была готова, а римская география «накладывалась» на новое место, как только войско достигало его территории. Для войск было само собой разумеющимся, что завоеванные территории были в культурном смысле не наполнены. Предполагалось, что там не было людей со

---

⁵⁰ Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы. М., «Художественная литература», 1973. Фасты. II книга, 683-683

своим стилем жизни и идентичностью. Вневременная римская геометрия накладывалась с настойчивостью и одержимостью. Во многом такая модель построения города сходна с идеей генерального плана, который не может быть подвергнут изменениям. Геометрия имеет дело с множеством строгих границ, в то время как у империи восприятие границ совсем иное: «...с формой империи ...сопрягается отсутствие окончательных границ. Вместо них мы обнаруживаем горизонты, определяющие достижимое и варьирующиеся вместе с ними...Бюрократические элиты, которые исходят из уникальности своей империи, считают пространственные границы лишь преходящими ограничениями области их фактического влияния».⁵¹

Изначально разнообразная деятельность, окружавшая римский форум, теперь дислоцировалась в других местах, оставив данное место для политических мероприятий. Однако строились новые здания для политических органов и, как результат, во времена Адриана здания пустели, потеряв свою функциональность. Проводя параллель с греческими стоями, которые были полифункциональны, здания форума прошли путь деградации от центра деятельности до полного запустения. На форумах выступали спикеры, но если в Афинах эффект «театрализованности» достигался за счет речи оратора, то здесь действие больше напоминало пантомиму. Оратор возвышался как судья над толпой, которая его попросту не слышала, соответственно и о выражении осмысленной реакции на происходящее речи не шло.

Власть визуальных объектов и направления движения при все затихающем голосе стала реальностью не только провинций, где римская геометрия насаждалась. Эта власть «вернулась домой», достигнув небывалого масштаба.

Римляне стремились сделать архитектуру более гармоничной и линейной. Развиваемые архитектурные формы были призваны задать «позвоночник» городского пространства (перистиль – площадь, окруженная колоннадой и базилику – прямоугольное здание, в котором люди заходят в один вход, а выходят из другого, двигаясь при этом вперед.), было объединено движением

---

⁵¹ Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011, Т.2, с. 85

вперед, в некоторой степени даже принуждало к нему. Значение строгости архитектурного пространства было сопоставимо с буквой закона – было необходимо в них верить и им подчиняться.

Греческий Парфенон своим положением и строением позволял взгляду наблюдателя свободно путешествовать по экстерьеру храма. Ранние римские храмы направляли взгляд смотрящего только вперед. Внутри храма здание также задавало направление, куда нужно смотреть и двигаться.

Таким образом, Афины и Рим представляют собой два ярких и показательных примера связи телесной организации человека и пространственной организации города, воплощают человеческий опыт передвижения в городском пространстве. Мысль о гражданском порядке, воплотившись в камне и плане города, возвращается к жителям, задавая траектории их передвижения. Связь пространственной, архитектурной и человеческой плоти проявляется через движение, голос, взгляд.

Открытость взгляда гражданина Афин, который мог свободно перемещаться по поверхностям, задавшим объем города от верхней точки Парфенона до земли агоры, сильно отличался от взгляда римлянина, которому в помещениях задавалось строгое направление вперед, а на открытом пространстве – в сторону театрализованной пантомимы политической жизни. Если многочисленные голоса, рожденные агорой, разнеслись во все пределы, превратившись в представление одного актера и внимающей ему публики театральной или политической сцены, то плотная застройка Рима, отдавая всю полноту власти визуальной картине, забирала у оратора голос.

Момент, когда мыслящие тела больше не находят связи с собственными творениями в камне, обращается конфликтом в самом человеке.

Возникает несоразмерность, депривация чувств, искажение ощущений собственной телесности. Переживание своего тела во времени делает проблематичным создание «вечного города» на основании вневременной науки – геометрии. В древнем Риме приближение человека к вечности означает

остановку временного потока, его ограничение и фиксация системой плотно расположенных зданий с заданной системой направлений.

Сегодня претензия на достижение вечной жизни также является лейтмотивом происходящих в городах процессов (это подтверждается от обратного популярностью «медленного» движения, замедляющего обыденные практики). Темпоральность человека оспаривается скоростью коммуникаций: «Эта игра скоростей и непрерывного движения проявлялась в новом характере городской жизни с потоками транспорта, скорости коммуникаций...»⁵². Один любопытный пример представлен в последнем фильме режиссера М. Антониони «За облаками». Сцена происходит в парижском городском кафе. Девушка подходит к молодому человеку, сидящему за соседним столиком и, после краткого приветствия, из которого мы не узнаем имен героев, однако, получаем информацию о том, что он – из Нью-Йорка, а она – из Италии (город не уточняется). Героиня излагает незнакомцу содержание только что прочитанной газетной статьи: «В Мексике ученые наняли носильщиков, чтобы добраться до города инков, расположенного на вершине горы. Однажды носильщики остановились и наотрез отказались идти дальше. Ученые не знали, как убедить их продолжить путь и не понимали, почему они так долго стоят на одном месте. Спустя несколько часов они продолжили движение. Старший из носильщиков, наконец, решил объяснить ученым произошедшее. Он сказал, что они шли так быстро, что обогнали свои души – их нужно было подождать»⁵³.

Так и городское пространство заставляет человека ежеминутно определять свое положение в нем, не только пространственное, но и временное. Вне зависимости от того, какой темп задают совершенствующиеся коммуникации, всегда возникает вопрос соразмерности темпов и направлений движения человека в городе.

Принято, что происходящие в городе процессы, это вопрос, бесконечно обращенный вовне. Однако, будучи обращенным только во внешнюю среду, он

---

⁵² И. Н. Духан. Становление концепции времени в искусстве и проектной культуре XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, Москва, 2012, с. 27

⁵³ М. Антониони, В. Вендерс. За облаками. Кинокомпания: Sunshine, France 3 Cinéma, Ciné B, 1995

теряет вопрошающего – человека. Конфликты, воплощенные во внешней среде, находят отклик в нем самом и наоборот – в вопросах человеческой природы и пределов ее возможностей (если речь идет о невозможности выйти за пределы собственного временного существования).

Выводы раздела

Методологические подходы, рассмотренные в данной главе, указывают на ряд краеугольных вопросов в изучении городского пространства. Рассмотренные концепции М. Кастельса, А. Лефевра, Д. Харви, Э. Сойи, Р. Сеннета, объединяет общность проблематики при различии подходов.

Главный вопрос: какова природа городского пространства? Это серьезный методологический вопрос, в зависимости от ответа на который выстраиваются разные стратегии объяснений. На какие действующие силы города следует опираться при объяснении его развития и трансформации?

Таким образом, вопрос изучения городского пространства становится одним из основных. Так, М. Кастельс, критикует позиции Чикагской школы и А. Лефевра за то, что вместо объяснения социальных процессов, они обозначают множество общественных проблем в качестве «городских», видя в этом источник объяснения сам по себе. Однако они не определяют конкретные механизмы трансформации города. Он же, напротив, концентрирует внимание на социальных отношениях, заявляя, что именно они структурируют и придают городскому пространству определенный характер.

В расхождении с этим утверждением находятся взгляды Э. Сойи, который, опираясь на понятие синойкизма как социального и пространственного образования вокруг некоторого территориального центра, строит пространственную онтологию города. Он видит в «пространственности» (spatiality) организующий принцип, придавая ему объем физических, ментальных и социальных отношений. Тем самым, он совершает движение мысли, противоположное направлению исследования М. Кастельса. Если у последнего социальные отношения находят отражение в пространственном измерении

(«пространство потоков», «пространство мест»), то у Э. Сойи сами отношения определяются характером пространства, в котором они существуют.

Город постоянно изменяется, трансформируется, никогда не остается статичным. Физическое пространство становится индикатором множества различных общественных процессов. В первую очередь, причиной городских изменений становится движение капитала. Он перемещается, расширяет или уменьшает степень своего влияния в отдельных районах города или отраслях городской культуры. Он пульсирует, вовлекая в свою орбиту все социальные группы общества. Д. Харви видит в капитале саморегулирующуюся систему: он сам себя создает, затем, проходит путь трансформации через саморазрушение – этот процесс цикличен. Физическое пространство города картографирует капитал.

Изменения касаются не только визуального ландшафта, но и социальной жизни. Д. Харви называет капитал машиной по производству несправедливости. Динамичный и бесконтрольный в условиях свободного рынка процесс перемещения капитала определяет общественное неравенство и проблемы перераспределения городских благ. Отсутствие контроля над экономическим пространством осложняет контроль отношений социальных групп. В данных рассуждениях Д. Харви обозначена проблема справедливости в рамках города.

А. Лефевр также исследует проблематику городской справедливости, указывая на контрасты городского пространства, уделяя внимание вопросам политической власти и стремлений ее централизации. Взаимодействие политических сил и капитала, рассматриваются в качестве движущих сил городских изменений. Власть и капитал концентрируются, а за счет этого и усиливаются, приводя к дестабилизации системы, которая не только их создала, но и поддерживает. Результатом становится фрагментация пространства, разрушение связей, ослабление политической и экономической власти.

Ричард Сеннет, основываясь на важности человеческого опыта в городе, делает предметом рассмотрения Древние Афины и Рим. Это два города, общественная и политическая жизнь которых принципиально повлияла на

практики телесных передвижений. Политические системы нашли столь полное отражение в камне, что стали направлять движение плоти – людей, жителей города, вне зависимости от того, являются ли они его гражданами или нет.

Каждый из теоретиков занимает оригинальную исследовательскую позицию. Однако всех их объединяет проблематика городского пространства, движения капитала, власти, трансформации социальных отношений, проявляющихся в неравенстве. Это заставляет более внимательно рассмотреть вопросы городского планирования как проблемы, включающей изменения физического и социального ландшафта, рассмотреть город как место перераспределения благ и ресурсов, а также, как инвестирование в изменения трансформирует образ города.

Раздел 2. Проблемы методологии городского планирования как практической области знания и городская справедливость

2.1 Методологические подходы к городскому планированию XX века: от системной теории к антипозитивистской критике

Теория городского планирования до 20 века была ориентирована на создание и реализацию идеальной модели желаемого объекта. Во многом проекты были утопичны, воплощая ту или иную модель социального устройства. При этом характер уже существовавшего городского пространства не принимался в расчет.

Длительное время основой практики планирования было наложение сознательно выбранной схемы развития на городское пространство. Создатель проекта – городской планировщик (как правило с архитектурным образованием), знаток своей области, обладающий опытом и знанием, власть которого была безраздельна и основывалась на абсолютном доверии к его профессионализму. Он разрабатывал проекты городского развития, конечной целью которых было всеобщее благо. Общественный интерес становился моральной основой планирования, однако конкретное содержание проекта не подвергалось дополнительному анализу и заведомо наделялось позитивными характеристиками. Свобода действий планировщика была обусловлена, не в последнюю очередь, недостаточно развитой институциональной инфраструктурой контроля разработки и воплощения проектов.

С течением времени ситуация принципиально изменилась, критика стала общепринятой практикой. Субъектом экспертизы проектов теперь становились независимые комиссии по вопросам городского планирования или соответствующие отделения, внедренные в бюрократический аппарат.

В 1935 году в свет вышла книга Карла Мангейма «Человек и общество в годы реконструкции»⁵⁴, которая обозначила исследовательский поворот в рассмотрении вопросов городского планирования с особым акцентом на группы

---

⁵⁴ Mannheim, Karl. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus, Leiden, A.W. Sijthoff, 1935

влияния и способы контроля процесса. Она дала философские основы для дальнейшего развития теории, описав модель демократического планирования, в которой эксперты действуют под управлением общественности, точнее, ее выбранных представителей.

По мнению Мангейма, действия «новой бюрократии» принесут с собой и новый уровень беспристрастности в решении социальных проблем. Бюрократические процедуры нейтральны по своей природе и исключают патронаж, nepotизм и личное доминирование. Стремление к объективности настолько высоко, что даже принадлежность бюрократии к определенному классу общества с характерными воззрениями заменяются стремлением к справедливости.

В утверждении законодательного контроля и независимой экспертизы, Мангейм задал направление, во всей полноте принятое академическим сообществом планировщиков послевоенного периода. «Планирование из ремесла превратилось в научную деятельность, в процессе которой использовался большой объем точной информации. Планировщик создавал чувствительные системы управления и контроля. Это уже не работа по изначально созданному образцу, «кальке» с заранее заданными параметрами. Теперь планирование стало рассматриваться, прежде всего, как процесс. И он становился независим по отношению к планируемому объекту».⁵⁵

Город является масштабным полем деятельности и ответственности проектировщиков. Местные органы власти могут использовать десятки или даже сотни профессионально подготовленных специалистов. Даже небольшие и средние города теперь привлекают градостроителей, которыми создаются планы их будущего развития. Штаб городского планирования также включает множество представителей разнообразных профессий: архитекторов и городских проектировщиков, географов, экономистов, инженеров-строителей, транспортных экспертов, специалистов по экологии, компьютерным технологиям и связям с общественностью.

---

⁵⁵ Hall, Peter. *Cities of tomorrow*. 3d edition, Oxford: Blackwell, 2002, p. 361

Полвека назад компьютеры должны были революционизировать практику городского планирования. На протяжении «революции систем» 1960-х, городские проектировщики использовали компьютер с массивным количеством введенных данных для разрешения земельных вопросов, моделирования транспортного движения городских систем. Сторонники теории систем верили, что компьютерные данные и логика могут избавить процесс планирования от множества существовавших проблем. Сегодня городское планирование рассматривается профессионалами как деятельность с множеством альтернативных методов, исключающих возможность монополизации подхода. В современном планировании важность точной статистической информации и компьютерного моделирования дополняется ответственностью за выбор решения, который может обратиться последствиями для различных групп людей. Активное использование компьютерных технологий не лишает планировщиков необходимости задавать направление работы, которому данные технологии должны служить.

В середине 50-х годов XX века городское планирование, наконец, стало официально признанной профессиональной сферой. Вместе с тем, это время было ознаменовано серьезным расколом профессионального сообщества. Сформировалось два лагеря: один находился в школах планирования, неуклонно и все более одержимых теоретизированием предмета, второй – в кабинетах местных властей и советчиков, озабоченных только ежедневной рутинной планирования. Водораздел был проведен не сразу: еще в конце 1950-х и на протяжении 1960-х казалось, что между теорией и реальной практикой наведены мосты. Удручающим результатом стал подрыв официального статуса дисциплины. Основные претензии к городскому планированию, в первую очередь, предъявлялись к профессиональным навыкам и квалификациям профессионалов.

Позиции городского планирования как независимой сферы деятельности пошатнулись. Долгое время оно являлось частью архитектурной и инженерной профессии. Вопрос определения городского планирования и границ ответственности, методов и профессиональных компетенций специалистов встал особенно остро, в первой трети XX века. С тех пор был проделан значительный путь: городское планирование стало сложной комплексной деятельностью по решению целого комплекса задач разработки городского ландшафта, социальных экономических и эстетических проблем.

2.1.1 Городское планирование и академическая среда

Городское планирование никогда не было лишено академического и институционального влияния. Начиная с 1930-х годов в университетах стали читать курсы по городскому планированию. В это же время начали формироваться профессиональные органы, определявшие и защищавшие стандарты планирования, у которых было налажено сотрудничество с академической средой.

Уже в 1909 году британский магнат Уильям Хескет Левер⁵⁶ наладил тесное взаимодействие Ливерпульского университета и Департамента Гражданского Проектирования. Одновременно с тем был открыт журнал «Обзор городского планирования», который включал как статьи по теоретическим вопросам, так и практике планирования. В этот период городское планирование было неразрывно связано с профессиями инженера и архитектора, которые, в свою очередь, были немислимы без проектирования.

Планирование землепользования и написание кодексов, предписывающих порядок планирования – вот две основные задачи проектировщиков того времени. Множество же социальных, экономических и культурных аспектов не были охвачены в процессе городского планирования.

---

⁵⁶ Уильям Левер, 1-й виконт Леверхалм (1851-1925) – английский индустриалист, филантропист и политик. Основал Школу гражданского проектирования и городского планирования. Источник: <http://www.thorntonmanor.co.uk/about/history/>

В этот период (1950-е) городское планирование приравнивалось к гражданскому строительству, главными действующими лицами были архитектор и инженер. Планирование сводилось к проектированию и ассоциировалось с архитектурой в масштабах города. Одним из показательных примеров может служить случай Королевского Института Британских Архитекторов (RIBA)⁵⁷, представители которого воспротивились инициативе создания отдельного органа по городскому планированию, заявив, что это сфера их деятельности, с которой они справляются. Можно по-разному оценивать причины данного протеста, важно то, что городское планирование по-прежнему оставалось в сфере институционального влияния архитектурного органа. Соответственно, теоретические основания архитектуры становились основным источником знания в профессии городского планировщика. Этот факт значительно влиял на общественное восприятие профессии. Отдельно взятый архитектурный проект или ансамбль представляют собой наглядную часть работы по городскому планированию. При этом в стороне остается множество скрытых от глаз, но играющих важнейшую роль в функционировании города систем: различные коммуникации, связанные с подачей воды и тепла, работой транспорта и т.д.

Для обывателей городское планирование было таинственной деятельностью, но в отличие от признанных дисциплин – медицины и юриспруденции, основанных на определенном и богатом корпусе знаний, самостоятельной теоретической базы не имело или, говоря словами Майкла Бэтти, представляло собой «разнородные отрывки социального знания, подкрепляющие традиционный архитектурный детерминизм»⁵⁸. Способность синтезировать различные виды знаний формировалась при непосредственном выполнении поставленных практических задач, а использование знаний из социологии, географии или экономики диктовалось практической необходимостью.

---

⁵⁷ Информация об организации RIBA и ее основной устав 1837 года с дополнениями 1971 года
http://www.architecture.com/Files/RIBAProfessionalServices/ProfessionalConduct/Constitution/charter_byelaws.pdf

⁵⁸ Goodall B., Kirby A. (eds) Resources and Planning //Batty M. On Planning Processes Oxford: Pergamon, 1979

Одной из **важных методологических проблем** являлось то, что в городском планировании использовались некоторые **элементы теории**, но самой теории городского планирования не существовало. К каждому проекту подходили как к уникальному, хотя определенный порядок действий все же практиковался: исследование (согласно подходу Патрика Геддеса,⁵⁹ «диагностика предшествует лечению»), анализ и незамедлительное создание проекта. Однако разработкой проекта функции планировщика не ограничивались, так как далее его было необходимо внедрить в городское пространство. Например, в Великобритании, до введенного в 1947 году Закона о городском и сельском планировании (Town and Country Planning Act, 1947⁶⁰), вовсе не существовало представления о возможной корректировке или обновлении плана. В некотором смысле, это была «золотая эра» – деятельность органов по городскому планированию не подвергалась критике, исправлению или политическому давлению. Планировщики были наделены званием «экспертов», что само по себе предполагало их высокую ценностную ориентацию и аполитичность принятых решений. Предполагалось, что они не ошибаются и адекватно воплощают проекты в действительность с первого раза.

Необходимо отметить, что и исторические условия, в которых развивалась профессия, также накладывали свой отпечаток. Действительность, с которой имели дело городские планировщики, может быть охарактеризована следующими чертами: замедленный рост населения, экономический упадок, неспешные социальные изменения. Эта картина повлияла на особенности проектов городского планирования, которые имели кратковременный характер и осуществлялись довольно редко.

Современные представления о городском планировании тесно связаны с процессом трансформации, преобразования, изменения. Но это не всегда было так. На протяжении долгого времени проекты городского планирования носили

---

⁵⁹ Патрик Геддес (Patrick Geddes, 1854-1932) – шотландский биолог, социолог, градостроитель. Крайне критично относился к планированию, «не учитывавшему окружающую местность, локальные нужды и возможности» (Geddes, Patrick (1947). "Town Planning in Kapurthala. A Report to H.H. the Maharaja of Kapurthala, 1917". In Jacqueline Tyrwhitt. Patrick Geddes in India. London: Lund Humphries. p. 24.)

⁶⁰Текст Закона о городском и сельском планировании, 1947

http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1947/53/pdfs/ukpga_19470053_en.pdf

консервативный характер и были направлены на сохранение четких границ и населения в городах. В самом проекте не была заложена поправка на рост города.

В середине 1950-х ситуация начала резко изменяться. Одним из важных теоретических оснований городского планирования стала **теория систем**, представлявшая городское пространство в качестве множества разнородных взаимодействующих систем. Ключевым интеллектуальным ресурсом этого стал внезапно проявленный интерес к ряду работ немецких теоретиков, занимавшихся вопросами экономической географии. Среди них: Иоганн Тюнен⁶¹, который в своем трактате «Изолированное государство»⁶² (1826) одним из первых применил методы пространственной экономики и экономической географии, соединив их с теорией ренты. Альфред Вебер⁶³, верный традициям философии истории в анализе индустриального развития городов, сформулировал теорию минимальных издержек, с помощью которой пытался объяснить и предсказать локальные модели индустриального развития на макроэкономическом уровне. В ней особо подчеркивается стремление производств в места с наименьшими транспортными издержками и затратами на рабочий труд. Одной из ключевых разработок немецкой школы экономической географии стала теория центральных мест, разработанная Вальтером Кристаллером⁶⁴. Согласно этой теории все населенные пункты объединены в одну структуру, которая обеспечивает быстрое перемещение между городами и эффективное территориальное управление. Она применялась на практике – на ее основании в ФРГ была проведена реформа низшего административно-территориального деления.

---

⁶¹ Иоганн Генрих фон Тюнен (нем. Johann Heinrich von Thünen; 1783 — 1850) — немецкий экономист, представитель немецкой географической школы в экономике.

⁶² «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie, 1826)

⁶³ Альфред Вебер (нем. Alfred Weber, 1868-1958) — немецкий экономист и социолог. О теории размещении промышленности. Т.1. Чистая теория размещения, 1909 („Über den Standort der Industrie. Bd.1: Reine Theorie des Standorts“)

⁶⁴ Вальтер Кристаллер (нем. Walter Christaller, 1893—1969) — немецкий географ, автор теории центральных мест. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktion. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1980

Август Леш в своих трудах⁶⁵ разрабатывал теорию размещения индустриального производства, отводя значительную роль зонам сбыта предприятий, которые образуют экономические зоны с центрами в городах. Несмотря на схожесть теоретических систем Кристаллера и Леша, принципиальным отличием является то, что первый рассматривает плановую экономику, а второй – условно саморегулируемую рыночную систему.

Уолтер Айзард⁶⁶ является основателем школы пространственного анализа, немецкая школа оказала на его труды серьезное влияние. Он создал интегральную схему анализа, в которой были связаны аспекты социально-экономической жизни общества и ее территориальные особенности. Основными факторами развития он считал географическое распределение спроса и использование разнообразных ресурсов. Системный подход в рассмотрении городов, новая экономическая география и экономика местностей, а также включение материала социальных наук в программу по обучению городскому планированию, способствовало революционному скачку в развитии методов городских исследований.

Город стал представлять собой объединение множества сложных систем, которые необходимо регулировать, а результаты принятых решений могут и должны подвергаться корректировке и изменениям. Городское планирование подверглось влиянию новой, получившей широкое распространение науки – кибернетики, открытой Норбертом Винером⁶⁷.

В рамках идей немецкой школы экономической географии возник новый взгляд на развитие транспортной инфраструктуры. Внимание было обращено на установление новых взаимосвязей, рассмотрение которых влияло на притяжение

---

⁶⁵ Август Лёш (нем. August Lösch, 1906 – 1945) — выдающийся немецкий экономист и географ. Пространственная организация экономики: изучение места, экономических районов и международной торговли (Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. Eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalem Handel. Fischer, Jena 1940)

⁶⁶ Уолтер Айзард (англ. Walter Isard, 1919—2010) — американский экономист и географ, представитель школы пространственного анализа в географии, основатель «региональной науки». Основные работы: Location and Space Economy (1956), Methods of Regional Analysis (1960), Introduction to Regional Science (1975)

⁶⁷ Норберт Винер (англ. Norbert Wiener, 1894—1964) — американский учёный, выдающийся математик и философ, основоположник кибернетики и теории искусственного интеллекта. 1948, Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine. MIT Press 2nd revised ed. 1961.

конкретных решений. Изначальное предположение, что именно развитая экономическая и социальная деятельность диктует развитие транспортной системы, подверглось пересмотру. Новые исследования заставили обратиться к следующему вопросу: возможно ли, что влияние осуществляется ровно наоборот? Можно ли предположить, что уже сформированная транспортная система определяет характер деятельности жителей той или иной местности? Такое реверсивное движение мысли возникло не случайно, но было во многом обусловлено развитием «региональной науки» Айзерда, разработки которого придавали большое значение экономическому ландшафту местности. Осознается взаимная зависимость двух подходов – теоретического, связанного с проблемами землепользования и инженерно-технического – разработками транспортной системы.

Таким образом, новый период теоретического осмысления предмета знаменуется открытием планирования как процесса. Характерная до этого времени схема представлений, состоящая из создания плана и его реализации, дополняется новым элементом – возможностью промежуточных корректировок плана. Планирование не только приобрело процессуальность, но и переопределило роль стартового и конечного пунктов.

Малвин Вебер⁶⁸ следующим образом обозначает череду повторяемых этапов в планировании: определение цели, предвидение изменений для окружающего мира, оценка цепи последствий и возможные альтернативные варианты развития событий, оценка издержек и выгод в соответствии с выбранной стратегией, постоянная оценка ситуации⁶⁹.

Этот подход обрел особую популярность в Британии (середина 1960-х). **Такой резкий поворот к системному подходу рассматривался как революция в городском планировании.**

---

⁶⁸ Мэлвин Веббер (англ. Melvin M. Webber, 1920–2006) - городской планировщик и теоретик, профессор Калифорнийского университета Беркли.

⁶⁹ Webber, M.M. Planning in an Environment of Change, Town Planning Review, 39, 1968-69

Однако мнимая революционность не затронула те проблемы, которые лежали в основании существовавших методологических проблем, которые не могли преодолеть предшественники.

Город рассматривался как статическая система, а городское планирование – динамическая деятельность, внедряющая новые связи и изменяющая старые. Однако вся сложность внедрения нововведений указывает на то, что города оказывают «сопротивление», в них уже существует множество связей, видоизменяющихся и преобразующихся, а значит, город больше нельзя рассматривать в статике, нельзя пренебрегать существующими связями и на них в первую очередь необходимо обращать внимание профессионалам, задействованным в городском планировании.

В связи с постановкой данной проблемы взор обращается к главному действующему лицу процесса – **городскому планировщику**, который обладает двумя принципиально важными, но противоположными ролями. Первая заключается в том, что он является социальным исследователем, аналитиком, а также наблюдателем. Все данные функции касаются теоретической области. В то же время он полностью включен в систему социальных взаимодействий с институтами, гражданами и специалистами разных областей, что составляет часть его практической деятельности. Возникает проблема не только совмещения всех этих функций, но и преодоления возможного конфликта интересов внутри профессиональной деятельности, который возникает по причине потенциальной ангажированности при необходимости выразить экспертное мнение.

Еще одна проблема состоит в балансе теоретического и практического исследований. Как известно, город образован из множества функционирующих систем, при этом точно определить их количество и все существующие в них взаимосвязи становится сложной и даже практически неразрешимой задачей. Определение ее в качестве приоритета может привести к чрезмерному углублению в теорию, лишая городское планирование действия, дискредитируя его в качестве деятельности.

Все чаще высказывается мнение, **что наиболее сложные вопросы городского планирования лежат за пределами возможностей методов, предложенных системной теорией, все более проявляется антипозитивистская позиция, согласно которой город как объект полностью не может быть постигнут.** Решение проблем требует интуитивного подхода и суждений, а значит, прежнее доминирующее представление о планировщике как проектировщике снова стало иметь значение.

Доминирование экспертного мнения теперь уже не воспринималось с прежней благожелательностью, но подвергалось сомнению и критике. На это были свои причины. Многочисленные военные конфликты 1960-х сильно испортили «имидж» планирования, связав его в голове обывателей с милитаристскими задачами, приписав атрибуты авторитарности, исключительной направленности сверху вниз. Военные ассоциации вызывал также и строгий системный подход, где само представление о его строгости и логичности оспаривалось. Он стал восприниматься как «организация запутанной системы со сложной терминологией воспринималась как прикрытие политических действий с сомнительными этическими основаниями»⁷⁰.

Многочисленные теоретические открытия и все большее вовлечение разнообразных наук в теорию городского планирования, к сожалению, не является убедительным основанием для сомневающихся граждан, которые вновь поднимают вопрос отсутствия собственной теоретической базы городского планирования. За ним следует и другой – если не цельной теории, то каким образом можно определить профессиональные навыки и их истоки в городском планировании? Экспертное мнение низводится до статуса простых оценочных суждений.

Подобная полемика заставила прийти к выводу о том, что вне зависимости от навыков, способности выносить объективные суждения, городской планировщик

---

⁷⁰ Hall P. *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century*, 3rd edn (2001), p. 366

должен эффективно управлять процессом принятия решений и ускорять процесс реализации согласованных целей.

В 1970-х, 80-х годах планировщик становится посредником между представителями групп интересов вовлеченных в застройку и в частности, пострадавших от нее. Планировщик – организатор, координатор, благодаря работе которого все, особенно пострадавшие должны быть услышаны.

Эра бума гражданских прав стала причиной все большего гражданского интереса к городскому планированию. Появлялось все больше сторонников активного участия граждан в принятии решений. Так возник новый тип городских планировщиков-правозащитников (*advocate planners*⁷¹). В обиход этот термин был введен Полом Давидофф в статье «Защита и плюрализм в планировании»⁷². Исследователь утверждает, что «должное действие в планировании не может быть произведено с позиции ценностной нейтральности, так как любое из них основано на реализации желаемых целей»⁷³. Также, по его мнению, планировщики должны участвовать в политическом процессе в качестве защитников как интересов отдельных групп граждан, так и государства, а также индивидов, заинтересованных в предложении способов развития сообщества.

Таким образом, вопросы городского планирования, в частности, установление целей и задач, должны осуществляться при активном участии граждан. Планировщики-правозащитники информируют людей о возможных альтернативах решений, помогают в создании планов, превосходящих по функциональности официальные, помогают в учете основных ценностей жителей того или иного района, местности. Полученная в результате структура должна быть демократической, плюралистической, в основе должно лежать

---

⁷¹ По мнению некоторых исследователей, данный термин является устаревшим и должен быть заменен более современным “community planning”: The more neutral concept of “community planning” has supplanted advocacy planning. Community planning is the new mainstream approach that frequently submerges the progressive elements that emerged under the rubric of advocacy planning. (Angotti, T. *Advocacy and Community Planning: Past, Present and Future*//Progressive Planning Magazine, spring 2007, <http://www.plannersnetwork.org/2007/04/advocacy-and-community-planning-past-present-and-future/>)

⁷² Paul Davidoff “Advocacy and Pluralism in Planning”, *Journal of the American Institute of Planners*, Volume 31, Issue 4, 1965, pp. 331-338

⁷³ Там же, p. 331

стремление к разрешению конфликтных ситуаций. Не лишним будет заметить, что новое представление о планировщике как о защитнике интересов не ограничивалось посреднической функцией. Немаловажным становится образовательный фактор: «Защитнику необходимо информировать общественные организации и иные организации, о позициях, условиях и задачах, выдвигаемых его клиентами. Другая образовательная задача состоит в оповещении своих клиентов об их правах в отношении законов планирования и реконструкции, а также общих действий городского управления...»⁷⁴.

Постепенно, с уменьшением одних функций, он получил другие, ранее выполнявшиеся местными властями. На практике стало затруднительно определить, как будут разрешаться реальные конфликты в различных сообществах и как планировщику со значительными полномочиями продолжать придерживаться профессиональной этики.

Таким образом, можно говорить о нескольких моделях работы городского планировщика и сопряженных с ними функций. Между планировщиком-правозащитником (который при необходимости может действовать быстро и достаточно агрессивно) и планировщиком, разрешающим проблемы постепенно, обнаруживается значительное сходство. Оба они имеют дело не с техническими системами и чертежами, а прежде всего учитывают ежедневные проблемы, с которыми сталкиваются отдельные граждане и сообщества. Для них обоих основа города – это социальные отношения, а физическое пространство – это поле возникновения и разрешения конфликтов. Это сильно отличает их от предшественников, ставивших акцент на физическое пространство города, где с чистого листа можно развернуть проект, без учета устоявшейся и вместе с тем постоянно трансформирующейся системы социальных связей.

Представление о городском планировщике как посреднике, ускоряющем взаимодействие сторон, также привело к развитию практики вероятностного

---

⁷⁴ Paul Davidoff "Advocacy and Pluralism in Planning", Journal of the American Institute of Planners, Volume 31, Issue 4, 1965, pp. 333

планирования, где основной функцией становится использование новых информационных систем для улучшения и ускорения диалога и процесса принятия решений.

Все приведенные модели основывались на идеалах логического позитивизма. Малвин Вебер в своей работе приходит к следующему выводу: «Моей основной мыслью является то, что городское планирование не смогло внедрить метод планирования, применив вместо этого целую сеть нормативных ограничений, основанных на идеологически обусловленных образах благополучия. Я призываю, чтобы в качестве альтернативы была использована идея планирования и связанные с ней методы планирования».⁷⁵

Несмотря на все попытки, использование научных идеалов в городском планировании было затруднено, в том числе в отношении социальных конфликтов. Так Мейнсрем и Бандфилд, рассмотревшие в одной из своих известных работ функционирование Чикагского управления жилищного строительства⁷⁶, пришли к выводам, что этот орган был мало вовлечен в строительство и не добился требуемых результатов. Произошло это из-за отсутствия должного понимания значимости властной структуры города, интересов элиты и популистских политиков, встававших на пути развития. Политики долгое время находились вне поля зрения городских планировщиков, теперь же представлялись одной из главных сил, которые в предвыборной гонке, где обещали жителям целый набор альтернатив городского развития. Отличительными свойствами деятельности политиков в городском планировании было наличие политических (и значительных экономических) инструментов влияния, и конкретно поставленные цели (чего так не доставало планировщикам).

Однако и политики, и представители органов городского планирования по разным причинам все больше внимания стали уделять проблеме городской

---

⁷⁵ Webber, M.M. "Planning in an Environment of Change", *Town Planning Review*, 39, p. 277

⁷⁶ *Politics, Planning, and the Public Interest: The Case of Public Housing in Chicago*. Martin & Banfield, Edward C. Meyerson (1966)

бедноты, пустеющих деиндустриализированных районов. Это заставило изменить фокус с физического ландшафта на проблемы социального и экономического характера. Ключевые вопросы городского планирования постепенно начали изменяться.

Питер Холл в своей книге «Города будущего: интеллектуальная история городского планирования» следующим образом обозначает хронологию дисциплины: если в 1955 году типичный выпускник по специальности городского планирования стоял за чертежной доской и занимался построением диаграмм землепользования, то в 1965 году он изучал результаты компьютерного моделирования транспортного движения, в 1975 его можно было увидеть глубокой ночью разгуливающим с различными группами активистов, пытающихся организовать противостояние жестоким силам внешнего мира.

Таким образом, городское планирование в XX веке претерпело неоднократную смену методологий: переход от единоличного планирования архитектором к институциональной организации процесса планирования, в рамках которой произошел переход от системной теории, где город – система со строго определенными параметрами и предсказуемыми ответами на проблемы в функционировании системы, к антипозитивистской позиции, в которой все городские системы и системные связи непостижимы.

2.2 Аспекты городской справедливости

2.2.1 Роль местных сообществ в принятии городских решений

Рассуждая о демократии в рамках вопроса городского планирования, следует говорить о том, в чьих руках оказывается принятие жизненно важных для городского пространства и его жителей решений.

Город является средой, неоднородной по социальному составу, соответственно интересы различных социальных групп отличаются друг от друга. Вопрос их реализации напрямую связан с объемом и характером участия граждан в общественной жизни. Отсюда возникает проблема гражданской

инициативы: насколько активно горожане готовы участвовать в жизни города и что может этому воспрепятствовать.

Один из привычных способов воплощения гражданских интересов в обществе – с помощью работы бюрократического аппарата. С его деятельностью связывают следующую проблему: бюрократы, включая планировщиков и социальных работников, принимают решения, влияющие на повседневную жизнь, в малой степени информируя о них горожан, не учитывают возможности и интересы последних. Другая проблема состоит в различии статусов общественных представителей и их «подопечных», от имени которых они говорят. Например, в США не редки случаи «белых» социальных работников в афро-американских районах.

Это явление можно назвать внутренним колониализмом. Городское пространство, его отдельные районы становятся местами внутренней экспансии интересов власти. Возможность ответной реакции граждан изначально ограничена не только ресурсами и инструментами влияния, но также несвоевременностью и неполнотой предоставляемой информации.

Участниками данного противостояния являются бюрократические органы власти и местные сообщества. В контексте города общность интересов может быть обусловлена пространственной близостью расположения одного или нескольких районов, с большой вероятностью неоднородных по социальному статусу. Вспоминая идею Анри Лефевра о централизации власти и ее расползании, а также необходимости передачи части ответственности местным властям, даровать сообществу автономность в принятии решений означает наделить место властью, а значит, **утвердить принцип власти в пространстве**. И если центральная власть, воплощенная бюрократией, всеохватна (как имперский колонизатор), то власть сообществ, районов локальна, несет с собой фрагментацию города, а вместе с ней еще большее столкновение интересов. Такое дробление приводит к перенесению колониальной модели, ранее воплощаемой бюрократической властью, на уровень одного сообщества, внутри

которого также будет выстраиваться властная иерархия, обусловленная потенциальной возможностью социальной дифференциации внутри сообщества.

Упомянутая ранее эра гражданских прав, движение, приведшее к активному вовлечению граждан в городское планирование, находило отражение на местном уровне и реализовывалось в борьбе местных сообществ за власть в принятии решений относительно судьбы собственных районов. Одним из масштабных и показательных проектов, связанных с изменениями муниципального самоуправления стала программа Model Cities⁷⁷. Несмотря на лучшие намерения данной программы, на пути реализации она столкнулась с рядом проблем. Так, в Атланте возникла проблема конкурирующих интересов: политическая, бизнес элита и городские планировщики хотели улучшить экономическое положение города введением новой производственной инфраструктуры, в то время как противостоящая им группа ставила иные задачи: строительство нового муниципального жилья для бедных⁷⁸.

Но наиболее показательной стала «Программа возрождения сообществ» в Миннеаполисе. Столичный бюджет был распределен между организациями сообществ. В них происходили встречи, где распределялись бюджетные средства, вырабатывался план. После более чем десятилетнего существования программа добилась значительных успехов в возрождении роли местных сообществ. Главной целью программы было увеличение ответственности за распределение бюджетных средств. Одним из приоритетов было строительство жилья для граждан с низким доходом, однако должного внимания этого вопрос не нашел. В обсуждении самое активное участие принимали наиболее состоятельные члены сообщества, что привело к его постепенной элитизации.

Два приведенных выше примера показывают, что и при достаточном финансировании, и при предоставленном самоуправлении все же возникают серьезные препятствия на пути улучшения городской жизни. И ключевой из них

---

⁷⁷ Программа Model Cities была запущена президентом США Линдоном Джонсоном как часть проекта «Война против бедности» (War against poverty), реализовывалась в 1966-1974 годах. Была направлена на всеобъемлющее планирование, улучшения социальных служб города и повышения уровня гражданского участия. Ряду городов предлагалось значительное финансирование.

⁷⁸ Holliman I., "From Crackertown to Model City? Urban Renewal and Community Building in Atlanta, 1963-1966," *Journal of Urban History* (2009) 35#3 pp 369-386.

является серьезная социальная дифференциация внутри сообществ, которая воплощается в конфликте интересов. А отсутствие согласованных целей не может соседствовать с эффективным управлением.

Реальные города сталкиваются с необходимостью сосуществования центральной и местной властей. Эффективность инициативы сообществ в принятии решений остается спорным и открытым вопросом. Информационное поле взаимодействия жителей отдельных районов и властей расширяется. Но, хотя это и делает процедуру принятия решений более демократической, не всегда ведет к равенству. Уровень действия власти совершенно не изменяет ситуации с местничеством и коррупцией.

2.2.2 Городское многообразие

Многообразие – одна из распространенных деклараций в пользу справедливого города. Однако, содержание этого понятия в контексте городской среды и связанной с ней теоретической деятельностью по городскому планированию, неоднозначно: для дизайнеров это совмещение различных типов архитектурных стилей и зданий, для планировщиков как и для социологов – социальная гетерогенность в домовладении и использовании общественных мест.

О справедливости городского устройства можно судить по многообразию социальных групп и их взаимодействию, а в конечном итоге, равенству распределения благ.

Изначально возникает проблема и в определении многообразия: является ли оно ценностью само по себе или инструментом достижения целей? Город многообразен по своей природе или же многообразию нужно планировать?

Одна из самых влиятельных фигур теории урбанизма, Джейн Джейкобс, делает многообразие ключом к процветанию города, руководящим, всеохватным принципом. «Необходимо сложное и мелкозернистое многообразие назначений, обеспечивающих друг другу постоянную экономическую и социальную поддержку. При этом компоненты многообразия могут сильно варьироваться,

главное, что они определенным образом должны дополнять друг друга»⁷⁹. Она считала, что именно многообразие может способствовать городскому благосостоянию. При этом многообразии для нее не является данностью, его нужно поддерживать и взращивать.

Эта мысль была очень актуальна для 1960-х, времени, ожесточенной борьбы между идеей функционального зонирования, гомогенности с одной стороны, и гетерогенности – с другой. Сама идея функционального зонирования, еще не воплотившись на практике, уничтожила целые районы. Гомогенность же предполагала вновь наложить на город идеальную схему, не подвергая анализу социально-пространственные особенности, не учитывая мнения жителей. Так, в частности, происходило при реализации проекта перестройки Нью-Йорка Роберта Мозеса⁸⁰.

Джейн Джейкобс была не только свидетелем гомогенизации городского пространства, но и ее активным противником. Для нее многообразие – это естественная логика развития самого города, нарушить которую может вмешательство «плана», создание которого происходит искусственно, рядом специалистов.

Возможным компромиссом самостоятельного развития города и планирования его структуры могло бы быть включение в план, то есть «спланированное» многообразие.

Ричард Сеннет критикует такой подход, говоря, что спроектированные «просвещенными мудростью о смешанном использовании мест и всех благах многообразия... такие сообщества более напоминают иллюстрацию жизни, нежели саму жизнь»⁸¹.

Спроектированное многообразие – прежде всего, удачная формула, работающая схема. Многократная репликация внутреннего многообразия, при более широком взгляде выдает в себе самый верный способ гомогенизации, поэтому первое теряет свою уникальность и реальность. Это хорошо

---

⁷⁹ Цит. по Fainstein S. *The Just City*, Cornell University press, 2010, p. 69

⁸⁰ Caro, R. *The Power Broker: Robert Moses and the Fall of New York*, Knopf, 1974

⁸¹ Sennett R. *The Conscience of the Eye: the Design and Social Life of Cities*. New York: Knopf, p.27

демонстрируют торговые сети, каждый раз в новых местах воспроизводящие «космический порядок» потребления, вмещающая в себя всё возможное.

Искусственные способы создания многообразия могут быть опасны и непредсказуемы в последствиях. Один из возможных принудительных способов это «распределить многообразие в пространстве». Он заключается в расселении этнических общностей (в данном случае сложившихся из-за интенсивной иммиграции), главной целью которого является предотвращение концентрации бедности. Альтернативой же служит создание гетерогенных по уровню дохода и социальному положению сообществ и районов. Изначально подобные инициативы служат рациональным соображениям, но необходимо понимать, стремления людей к финансовой стабильности и безопасности идут рука об руку.

Насильственное переселение составляет этическую проблему, нарушает границы свободы и разрушает представление человека о собственном достоинстве. К тому же, не всегда жители хотят на корню менять привычное сообщество с системой налаженных социальных отношений.

Мощные потоки миграции трудно поддаются контролю, создают естественную основу для многообразия. Главная проблема в осуществлении диверсификации социального состава районов состоит в том, что ожидаемый результат может так не стать реальностью. Первое – с насильственным переселением происходит уменьшение социальной солидарности и социального капитала. Как следствие, доверие, кооперация и альтруизм в таких сообществах не имеет достаточных оснований. Территориальная близость еще не является надежным основанием для создания полноценного сообщества.

Миграционная проблема на сегодняшний день охватила большинство регионов мира. Привычные экономические соображения мигрантов (отсутствие работы, достойных условий жизни на родине) сегодня дополняются и политическими, что особо остро ощущается на примере движения мигрантов Ближнего Востока в Европу. Остро встает вопрос инфраструктуры, не приспособленной и не подготовленной к масштабному притоку людей.

Существуют и законодательные барьеры, осложняющие предоставление формального статуса: кем считать прибывших в Европу из стран Ближнего Востока людей – беженцами или экономическими мигрантами?⁸² С юридической точки зрения (согласно Европейской конвенции о статусе беженцев 1951 года⁸³ и ряду европейских законов) ответ на этот вопрос определяет дальнейшую судьбу данных людей.

Сложившийся сегодня в Европе ситуация не является беспрецедентной, однако становится очевидным, что ее разрешение серьезно повлияет на социальный ландшафт Европы и характер происходящих в ней общественных процессов, изменение городской инфраструктуры и возможное внесение поправок в европейское законодательство. Перечисленные выше проблемы возвращают к вопросу формирования городских сообществ, так как с неизбежностью в отношении больших групп беженцев будет необходимо решать вопрос расселения. Будут ли они составлять отдельные гетто или сложившееся городское устройство не позволит этого и они будут встраиваться в уже существующие локальные сообщества?

Природа сообщества неоднозначна, для него характерна замкнутость и возрастающая со временем статичность. Оказывая социальную поддержку своим членам, оно неохотно обращается к происходящему за его пределами, если в том нет интереса. Вот как пишет об этом Дэвид Харви: «Сообщество всегда было одним из ключевых органов социального контроля, надзора, граничащих с открытой социальной репрессией. Хорошо обоснованные сообщества часто исключают, противопоставляют себя другим, устанавливают все возможные преграды (если не реальные стены). Как следствие, сообщество зачастую становится барьером, нежели посредником прогрессивных социальных изменений. Миграция из деревень происходила, потому что сформированные

---

⁸²How many migrants to Europe are refugees? // The Economist, September, 7, 2015
<http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2015/09/economist-explains-4>

⁸³The 1951 Refugee Convention <http://www.unhcr.org/pages/49da0e466.html>

там сообщества угнетали человеческий дух и были бесполезны как форма социополитической организации»⁸⁴.

Несмотря на то, что современные планировщики, включая Новых Урбанистов⁸⁵, на которых направлена критика Харви, восхваляли многообразие как служащее социальной включенности, они, одновременно, пытались продвинуть необходимость более сильных связей сообщества. Но могут ли люди, которые не чувствуют между собой общности эффективно социально взаимодействовать?

Вопрос сообщества и многообразия проблематичен. Так, Питер Маркузе⁸⁶ пытается преодолеть эту проблему, проводя различие между анклавами и гетто. Гетто – насильственные пространственные концентрации определенных национальных групп, в то время как анклавы – добровольные образования, производящие экономическое, культурное, социальное и политическое развитие.

Когда анклав представляет собой этническое меньшинство или определенную гендерную группу, защищающую свой стиль жизни или преодолевающую неудобства, термин имеет позитивное значение. Предоставляя убежище культурным различиям, гомогенные на микроуровне анклавы способствуют увеличению разнообразия на уровне города.

Питер Маркузе указывает на связь многообразия и равенства, констатируя, что гетто не нужен Дональд Трамп. Главное, чтобы жители гетто имели возможность жить там, где сами пожелают. Если они живут в замечательном районе для рабочего класса, так ли необходимо здесь присутствие среднего класса. С этой точки зрения многообразие может стать рычагом для установления равенства, но не ценностью самой по себе.

---

⁸⁴ Harvey D. The New Urbanism and the Communitarian Trap: on Social Problems and the False Hope of Design Harvard design magazine, no. 1, p.1

⁸⁵ Новый урбанизм (англ. New Urbanism) — градостроительная концепция, подразумевающая возрождение небольшого компактного города (или района), в противоположность «автомобильным» пригородам.

⁸⁶ Marcuse P. The Enclave, the Citadel, and the Ghetto. What has Changed in the Post-Fordist U.S. City//Urban Affairs Review November 1997 vol. 33 no. 2 pp.228-264

Все чаще в урбанистической литературе анализируются частные, огражденные зачастую в буквальном смысле жилые комплексы⁸⁷ («gated communities»). Интересно, что в оборот все больше входит словосочетание «гетто для богатых»⁸⁸, в первую очередь указывающее на сходство пространственной организации гетто в традиционном значении и новых форм частных владений. Подробнее вопрос милитаризации общественного пространства рассматривается в разделе 3 данной работы.

Таким образом, само понятие многообразия в рамках городского пространства может по-разному рассматриваться. В зависимости от этого, можно определить его позитивные и негативные последствия для города. Многообразие может быть залогом экономического и социального процветания городов, материалом социальных преобразований в одном случае, а их средством – в другом. Систематическое, продуманное многообразие может также стать способом гомогенизации городского пространства. Также необходимо учитывать и другую сторону многообразия: одна из его составляющих это миграционные потоки, требующие дополнительных усилий по контролю и организации городской жизни.

2.2.3 Городское равенство

Многочисленные теоретические модели городского планирования не отменяют необходимости решать на практике вопросы городской справедливости, одним из которых является проблема городского равенства. Заключается она в праве аренды или покупки жилья. В процесс решения этого вопроса включены сразу несколько сил: государство (публичный капитал и потенциальный застройщик), горожане (или/ и их сообщества) и частный капитал (Современный подход к политике жилищного строительства и

---

⁸⁷ Charmes E., « Gated Communities: Ghettos for the Rich? », Books and Ideas, 1 October 2012. ISSN : 2105-3030.
URL : <http://www.booksandideas.net/Gated-Communities-Ghettos-for-the.html>

⁸⁸ G. Glasze, C. Webster & K. Frantz (eds.), Private Cities: Global and Local Perspectives, London, Routledge, 2005

городской реконструкции во многом сформировался в послевоенный период, когда фактическое уничтожение множества жилых домов в Европе, а также последствия Великой депрессии, привели к необходимости выработки стратегии в данной области. В данном параграфе рассматривается капиталистическая послевоенная модель разрешения вопросов обеспечения жильем.

Раньше реформы домовладения были обусловлены опасными для здоровья и жизни условиями проживания. После Второй мировой войны правительства Европы заняли активную позицию в обеспечении граждан жильем. Государства вкладывали средства в массовое создание жилья, находящегося под управлением общественных властей. Была и другая модель – строительство домов на одну семью, в то время как общественное домовладение было предназначено для беднейших слоев населения (Северная Америка). Европейский подход был ориентирован на равенство и массовое обеспечение. В США использовали политику спроса, снижения налогов, займов для поощрения строительства домов. Такой подход обеспечил значительное количество рабочего класса жильем, дал начало разрастанию пригородов. Пригород становится все более обеспеченным и престижным, в городах остаются люди с более низким социальным статусом и доходом, которые вынуждены терпеть худшие жилищные условия.

Люди уезжали в пригороды, потому что в городах становилось «вредно» жить. Активная индустриализация увеличила нагрузку на транспортные пути, увеличился приток рабочих, произошло ухудшение экологии. Центры городов стали местами промышленного развития. Благополучные пригороды развивали собственную инфраструктуру, необходимую для комфортной жизни. Рабочие, занятые в индустрии, либо оставались в муниципальном жилье в городе (их мобильность была ограничена), либо приезжали на работу из бедных пригородов, которым дали название «общежитий» для города. Возможности жителей бедных пригородов, таким образом, сводились к двум: работа в индустриальном центре или в сфере обслуживания соседних богатых пригородов.

Начало XXI века связано с унификацией данных стратегий, когда произошел значительный отход от предложения (supply strategy), произошла значительная деиндустриализация городов, и связанный с ней процесс джентрификации.

Перенос производств из центров городов на окраины был обусловлен чередой экономических кризисов, одним из которых финансовый кризис 1975 года. Предприятия закрывались, заводские помещения пустовали. Общий спад городского благосостояния способствовал тому, что эти помещения стали прибежищем для всех, кто не мог платить высокую арендную плату или не мог платить её вообще, став домом не только для вчерашних бездомных, но и для представителей искусства. Творчество и благополучие не обитали более в одном пространстве, а бывшие заводы стали арт-центрами. Нельзя однозначно сказать, что творческие движения стали главной силой джентрификации, однако именно они указали капиталу на новые ниши развития. Производственный спад гуманизировал капитал в пределах города. В городе вновь появились возможности строительства жилья, но на этот раз оно строилось уже не государством, а частными компаниями.

Общественный сектор производства жилья оказался в упадке и застройщики частных жилых комплексов шли на сделки с властями, предоставляя часть жилого фонда гражданам с низким доходом⁸⁹. Проекты общественного домовладения были замещены различными формами владения и управления. Однако стоит заметить, что рыночные силы, а не демократическая процедура принятия решений, определяют объем и место вложения инвестиций в строительство (кроме стран Северной Европы, где государство использует механизмы контроля над инвестициями).

Со временем стала очевидной необходимость усовершенствования права домовладения. Возникшие нововведения в первую очередь расширяют автономию и разнообразие способов преодоления жилищной проблемы.

---

⁸⁹ Подобные сделки с властями до сих пор используются, предоставляя горожанам доступное жилье, в обмен на то, что владельцы недвижимости зачастую получают налоговые послабления и особые условия предоставления заёмов: Middle-Class Roots to Live On After Sale of Stuyvesant Town // New York Times, October, 20, 2015, p.A1 http://www.nytimes.com/2015/10/20/nyregion/stuyvesant-town-said-to-be-near-sale-that-will-preserve-middle-class-housing.html?em_pos=small&emc=edit_ur_20151020&nl=nytoday&nid=54114822&ref=headline&r=0

Центральным вопросом становится определение социальных групп, которым необходимо оказать поддержку в обеспечении жильем. Переход к частному владению с неизбежностью привел к большей свободе домовладельцев по отношению к выбору арендаторов. Именно они формируют состав и образ жилых комплексов, а в более крупном масштабе и районов. Такая селекция исключает многих потенциальных арендаторов, оставляя для многих вопрос жилья неразрешенным. Таким образом, с одной стороны, каждый должен быть обеспечен домом (городское равенство). С другой стороны, за домовладельцами закрепляется право выбора жильцов.

Домовладение для бедных является крайне популярным лозунгом, обратная сторона которого резко проявила себя в кризисе 2008 года, когда большие группы населения стали не в состоянии выплачивать ипотечные кредиты.

Другим важным вопросом является использование публичного пространства и сопряженное с этим получение прибыли. В частности: какие районы останутся жилыми, а где будет активно развиваться коммерческое строительство и каким образом это повлияет на образ города и его инфраструктуру.

Синтез этих двух областей, с одной стороны, приводит к желаемому многообразию, с другой – становится местом постоянных столкновений жителей района и владельцев бизнеса. Как правило, одной из основных причин конфликта становится взаимное нарушение границ⁹⁰.

Основные городские проблемы можно обозначить следующими оппозициями. Дифференциация против равенства, снос против приватизации, деловые центры против жилых районов, стабильность сообщества против изменений, события общегородского масштаба против местных фестивалей. Однако далеко не всегда такие противостояния можно характеризовать как негативные, во многом они являются движущей силой развития местных сообществ и динамичной урбанистической структуры в целом.

---

⁹⁰D. Dunlap, A Public Realm on Private Property //The New York Times, October, 2000
<http://www.nytimes.com/2000/10/15/realestate/public-realm-private-property-new-study-identifies-rates-hundreds-spaces-that.html>

Политики, ответственные за государственное спонсирование, предпочитают вкладывать большие средства в строительство и развитие инфраструктуры, нежели в человеческий капитал, ибо результаты таких вложений не всегда подотчетны, сопряжены с вероятностным риском и требуют больше времени для проявления отдачи.

Выводы раздела

Таким образом, городское планирование в XX веке прошло значительный путь развития, выделившись в самостоятельную профессиональную область. Сохранив начала, взятые в фундаментальных и теоретически обоснованных дисциплинах – архитектуре и инженерном деле, городское проектирование пришло в новую область активного гражданского взаимодействия, на пути которого неминуемо возникают конфликты, создаваемые взаимодействующими городскими силами и их интересами.

Наряду с главным идеалом городского планирования – рациональностью, существовал и другой – всеохватность. Последняя воплощалась в комплексном рассмотрении всех функциональных структур города. Необходимо видеть регион, город, район в целом, координировать работу различных городских составляющих: использование земли, транспорта, производства. Используя средства современного статистического и экономического анализа, эксперты могут определить степень взаимодействия различных подсистем и оценить, каким образом использование той или иной альтернативной схемы развития влияет на характер их взаимодействия. Технологизация увеличила масштаб и скорость взаимодействия, но всех проблем не решала. Главной проблемой оставался контроль социальных отношений различных групп граждан, и связанное с ним справедливое перераспределение благ.

Все представленные выше попытки: достигнуть соглашения по главным вопросам, воплотить экспертное мнение относительно планирования, выраженное через рациональную модель, полностью игнорировало одно важное замечание, высказанное Карлом Мангеймом. Заключалось оно в том, что для каждого участника дискуссии «объект» имеет разное значение, так как отсылает к разному опыту и разным представлениям. Это утверждение еще не приводит к тому, что критерия верного или ошибочного не существует. Важно то, что любые утверждения оцениваются при рассмотрении конкретной ситуации.

Фрагментация и разделение городских сценариев на отдельные сюжетные линии приводит к тому, что наложение единого идеального плана на городское пространство теряет свою эффективность в качестве метода городского планирования. Всё более проблематичным становится соотношение мнений граждан, представителей независимой экспертизы и бюрократической власти. Контроль взаимодействия социальных общностей требует серьезного переосмысления вопроса о степени влияния и ответственности граждан за принимаемые в планировании решения.

Отличные друг от друга периоды развития дисциплины давали собственные ответы на вопрос о том, какие профессионалы должны заниматься городским планированием: от личности городского планировщика, деятельность которого не подвергалась критике и считалась исключительной и неоспоримой в своей значимости, до представления о том, что вычислительные машины и производимые ими модели должны стать фундаментальной основой дисциплины. Оба метода не обладали самодостаточностью, а наоборот, стали комплементарны на этапе дальнейшего становления области. Таким образом происходит переход от системной теории к антипозитивизму. Пришло понимание того, что в основе городского проектирования лежит не архитектурный или инженерный чертеж, а сложная сеть социальных взаимосвязей. Она представляет собой многоплановое взаимодействие сил: экономических, политических, гражданских. Действие в реальном физическом и социальном пространстве также разрешает вопрос соотношения теоретического и практического начал дисциплины, при этом вовлекая большое количество дисциплин, необходимых для эффективного управления городскими системами.

Исторически теория городского планирования претерпела значительные изменения, все больше оказываясь в орбите влияния социальных наук. Это, в свою очередь, заставило обратить серьезное внимание на источник принятия решений о городских преобразованиях, подвергнуть основательному анализу отношения социальных групп. Распределение благ между ними является не

только ключом к пониманию развития города, но и улучшает структурную организацию городского пространства.

Демократизация в принятии решений городского планирования является одной из возможностей контроля со стороны локальных сообществ, объединенных интересами. Своевременное информирование граждан и адекватное представительство их интересов служит разрешению конфликтов между местной и центральной властью.

Многообразие как одна из деклараций городской справедливости имеет различные углы рассмотрения: от самоценного принципа организации, ведущего к благополучию, до принципа, насаждаемого насильно в городском пространстве. Данные позиции требуют критического рассмотрения в конкретном городском контексте.

Равенство в городской среде напрямую связано с правами сообществ и отдельных граждан на жилье и возможность использования публичного пространства.

Все эти аспекты рассмотрения города имеют общую основу в социальных отношениях, в частности в отношении сообществ, которые и становятся основой для перераспределения благ.

Раздел 3. Город как пространство инвестиций

3.1 Циркуляция капитала в городе

В 1970-х марксистское учение получило большую популярность. Неомарксисты активно работали над разработкой пространственного элемента теории, считая пространственное распределение ресурсов важным фактором исследования города..

Одним из популярных объяснений городского роста и изменений является процесс циркуляции капитала, сторонниками которого являются Дэвид Харви и Дорин Месси⁹¹, а также значительным вкладом являются работы Анри Лефевра и Мануэля Кастельса.

Несмотря на возросшую роль пространства в теории объяснения городских изменений, одним из основных вопросов оставалась роль государства. Так, одно из доминирующих мнений французской мысли состояло в том, что такие инструменты как макроэкономическое планирование и связанные с ним инвестиции в инфраструктуру могут помочь продуктивному вложению частного капитала. Фокусом являются муниципальный жилой фонд, школы, транспортные системы, обеспечивающие воспроизводство рабочей силы, уменьшение классового конфликта. Именно эти аспекты являются важнейшими для функционирования городской системы.

Среди неомарксистов, исследовавших город, устоялось мнение, что сама структура капиталистического города, включая использование земельных ресурсов и моделей деятельности, является результатом действия капитала в погоне за прибылью. Поскольку капитализм обречен на череду кризисов, особенно в его поздней стадии, он призывает государство, в качестве своего посредника (доверенного лица), помочь в борьбе с дезорганизованным товарным производством и воспроизводством рабочей силы. Таким образом, реализуются

---

⁹¹ Massey D., For Space. L.: Sage, 2005

следующие задачи: капитал постоянно накапливается, обеспечивая рациональное распределение ресурсов; происходит воспроизводство рабочей силы, чему способствует отлаженная работа социальных служб; сохраняется тонкий баланс между трудом и капиталом; исключается социальная дезинтеграция. Все это, в конечном итоге, приводит к гарантированным и легитимным капиталистическим имущественным отношениям.

Несмотря на то, что государство необходимо бизнесу в качестве союзника, все же, с точки зрения развития частного капитала, государственное планирование следует ограничить. Более того, планирование, из-за присущей ему многозадачности, всегда решает одну проблему путем создания другой. В пример можно привести османизацию Парижа в 19 веке, создавшую жилищную проблему для рабочего класса или американское зонирование, приведшее к ограничению возможности промышленников размещаться в самых выгодных для них регионах. Планирование, как и любая деятельность, функционально ограничено, и основным его фокусом долгое время было и остается землепользование. Планированию присуща определенная внутренняя логика, его инструментов может быть недостаточно, чтобы единолично влиять на устранение противоречий между частными и коллективными действиями. Само сообщество разнородно, а интересы представителей могут значительно отличаться. Желание достигнуть своих интересов приводит к созданию сложных союзов. Наряду с государственным участием в функционировании городской системы, существуют различные социальные группы, вступающие в соревнование. Они борются за подтверждение легитимности собственных действий и прав, что неизбежно предполагает участие государственных институтов. В результате город становится ареной серьезной политической борьбы. Возникающие проблемы и конфликты интересов реальны и рассматриваются в качестве одного из важных факторов городского планирования, в отличие от предыдущих периодов, когда их значение не учитывалось столь явно на практике или в теоретических трудах.

Традиционный подход отрицал политическое влияние на городское планирование. В качестве критического довода приводилось то, что планирование уделяет слишком много внимания социальным утопиям, опуская при этом существующий контекст. Традиционные подходы к планированию имеют внутренние противоречия: с одной стороны оно аполитично, с другой – стремится к институционализации, активно разрабатывает собственные теоретические основания, в первую очередь связанные с абстрактными концепциями общественного устройства, их социальными и политическими элементами, представлением о разделяемых общественных ценностях. Противоположная позиция заключается в том, что теория планирования заключается в создании социальных сил, которые и воплощают планирование в жизнь.

Существует несовпадение между миром существующей теории планирования и его практическим воплощением. Первый мир представляет порядок и разум, в то время как второй – хаос и иррациональность. Конвенционалисты решили разрешить данное противоречие, введя представление о том, что планирование не пытается объяснить мир таким, какой он есть, но то, каким он должен быть. Тогда теория планирования ставит перед собой задачу рационализировать иррациональное и ищет способ воплотить себя в социальной и исторической реальности, привнеся в мир набор абстрактных, независимых и трансцендентных норм. По мнению марксистов теории планирования не хватает связи с реальным городским контекстом.

Джон Форестер не считал ситуацию столь безнадежной и разработал целую теорию планирования, основанную на концепции Юргена Хабермаса, утверждавшего, что современный капитализм был легитимирован с помощью создания вокруг себя сложного комплекса искажений в коммуникации, предотвращавшего саму возможность понимания собственного функционирования. Эти искажения ограничивают не только понимание происходящего, но и затрудняют процесс принятия решений.

«Признавая практику планирования как нормативное коммуникативное действие со структурой распределения ролей, которая искажает, покрывает, или раскрывает общественности перспективы и возможности, с которыми она сталкивается, критическая теория планирования помогает нам практически и этически. Это вклад критической теории в планирование: прагматичное видение – открыть истинные альтернативы, исправить ложные ожидания, противостоять цинизму, увеличить осведомленность, распространить политическую ответственность, вовлеченность и действие. Практика критического планирования, технически оснащенная и политически чувствительная – организующая и демократизирующая практика»⁹² (Форестер, 1980).

Другими словами, необходимо создавать связи в сообществах, внимательно выслушивать мнения людей, вовлекать в процессы различные общественные группы, образовывать граждан в вопросах присоединения к этому движению, обеспечить их информацией и убедиться, что люди могут получить к ней доступ, разработать навыки работы в группах в конфликтных ситуациях, особо подчеркивать необходимость участия.

Город существует в пространстве постоянного потока изменений, которые определяют направление развития и являются своеобразным градостроительным «материалом». Изменения – это, прежде всего, принятые решения, символически или физически отражающиеся в городском ландшафте. Динамика постоянно изменяющегося пространства города – единственная возможность поддержания его стабильности. Связь изменений и принятых решений вновь отсылает к вопросу городской справедливости, главным аспектом которого является распределение богатства. Последний вопрос имеет непосредственное отношение к циркуляции капитала в городе.

---

⁹² Forester, J. Critical Theory and Planning Practice, Journal of the American Planning Association, 1980, № 46, P. 275–86

В книге Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке»⁹³ анализируется история распределения богатства в XIX-XX вв., а также перспективы дальнейшего пути развития капитализма. Одним из ключевых предметов анализа данной книги становится вопрос неравенства связанный с капиталом, где последний «отражает характер развития общества и доминирующие в нем социальные отношения»⁹⁴. Т. Пикетти, проведя обширный анализ данных приходит к выводу, что доход от капитала как суммы всех финансовых и нефинансовых активов всегда был и остается выше дохода от трудовой деятельности. В соответствии с этим растущий доход от капитала при замедлении роста экономики увеличивает социальное неравенство.

Практическое воплощение идей, представленных в книге Пикетти, отражающее циркуляцию капитала в городском пространстве можно продемонстрировать на примере одного известного жилого комплекса Нью-Йорка.

Стайвесент Таун (Stuyvesant Town) - жилой комплекс, идея которого возникла во времена Великой депрессии и была реализована после окончания Второй мировой войны. Его строительство предполагало новую форму взаимодействия между местными властями (публичным капиталом) и инвесторами (частным капиталом)⁹⁵. Роберт Мозес, главный градостроитель Нью-Йорка, настаивал на участии пенсионных фондов и сберегательных банков в «расчистке городских трущоб»⁹⁶. Комплекс был построен к 1947 году страховой компанией Metropolitan Life. Новая форма публично-частного партнерства делала проблематичным разрешение конфликтов между резидентами комплекса и его владельцами (MetLife, затем Tishman Speyer Properties, Blackstone Group LP). Право компаний проводить отбор жильцов неоднократно приводило к судебным разбирательствам, связанным с расовой

⁹³ Piketty, T. Capital in the Twenty-First Century. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge Massachusetts London, England, 2014

⁹⁴ Там же, с. 38

⁹⁵ «Капиталом могут владеть частные лица (в этом случае мы говорим о «частном капитале») или государство и государственные структуры (в данном случае мы говорим об «общественном капитале»)» Там же, с. 38

⁹⁶ Moses, Robert "Stuyvesant Town Defended". The New York Times. June 3, 1943 p. 20

дискриминацией, а также нарушениями условий стабилизированной арендной платы. Большинство судебных решений принималось в пользу владельцев комплекса и было основано на праве частной собственности и связанной с ним значительной свободе принятия решений. Во множественных конфликтах участвовали две стороны – обладатели капитала, инвестировавшие в жилой комплекс и его жители – арендаторы (необходимо заметить, что исторически большинство из них были представителями профессий, которые согласно терминологии Пикетти получают доход от труда – учителя, рабочие, пожарные, и т.д.) Данный пример подтверждает мысль Т. Пикетти о том, что интересы преумножаемого капитала превалируют над интересами отдельных граждан, создавая ландшафт городского неравенства. Оно проявляется в форме жилищной сегрегации (расовой), а также вытеснению среднего класса (при повышении арендной платы) в другие районы.

Т. Пикетти не без оснований считает, что вопрос социального неравенства должен частично контролироваться государственными инициативами, без которых разрыв уровней жизни слоев населения будет только увеличиваться. В 2015 году судьба комплекса вновь изменилась⁹⁷. Администрация мэра Нью-Йорка П. Де Блазио заключила сделку с новым владельцем Стайвесент Таун, одним из условий которой стало выполнение программы доступного жилья, в соответствии с которой часть квартир будет предоставлена гражданам с низким и средним доходом. Стоимость аренды будет напрямую зависеть от годового дохода (более низкий годовой доход гарантирует более низкую арендную плату).

Т. Пикетти видит государственное участие в установлении глобального налога на богатство, который должен сократить неравенство. Трудно полностью охватить последствия реализации этой идеи, однако можно предположить, что это приведет к значительному усилению роли государства. Его идея о достижении большей прозрачности глобальных финансовых потоков наталкивается на вопросы о границах суверенитета государств и характере

---

⁹⁷ Middle-Class Roots to Live On After Sale of Stuyvesant Town // New York Times, October, 20, 2015, p.A1
http://www.nytimes.com/2015/10/20/nyregion/stuyvesant-town-said-to-be-near-sale-that-will-preserve-middle-class-housing.html?em_pos=small&emc=edit_ur_20151020&nl=nytoday&nid=54114822&ref=headline&r=0

использования полученной информации. В конечном итоге реализация социальных интересов во многом зависит не только от государства, но и взаимодействующих с ним гражданских групп.

Циркуляция капитала в городском пространстве приводит к необходимости принятия конкретных решений по каждому объекту, является ли он жилым комплексом, парком или автомагистралью. Приведенный пример свидетельствует о важной функции государства в качестве посредника при сохранении интересов сторон.

Инвестиции в изменения – один из основных процессов, формирующих образ города и характер городских преобразований, который также дает власть в принятии важнейших решений для стабильного функционирования города.

Наиболее очевидная область, изменения в которой касаются всех жителей города – это общественное пространство (public space). Именно здесь реализуются представления об образах города. Борьба городских сил за влияние очень остро ставит вопрос о соотношении общественного и частного пространства.

Изначально демократический характер общественного пространства как свободного для передвижения и использования отсылает к представлениям об античной агоре, равноправии граждан в обсуждении проблем и принятии решений. Перенос этой модели на современные города, говорит о том, что именно гражданам должна принадлежать инициатива городских преобразований посредством участия в функционировании городских гражданских институтов. Но ограниченность инструментов влияния, как на властные структуры, так и на инициативы бизнеса приводит гражданские институты к оборонительной позиции защиты от нежелательных изменений, нежели активному продвижению альтернативных предложений.

Создание любой инфраструктуры города требует больших материальных затрат. В идеальной схеме власть граждан очевидна: государству они платят налоги, а следовательно от этих поступлений зависит процветание города, а также граждане являются источником спроса для бизнеса. Однако эта идеальная

схема искажается в реальном городе. Гражданские инициативы разрознены и редко приводят к получению прибыли. Иначе дело обстоит с политическими и экономическими силами, которые при возможности объединения совместно принимают решения по формированию образа города и преумножают стабильный доход.

Городское капиталовложение – это один из самых эффективных инструментов, контроля городского пространства, способ поддержания витальных сил города, а также инструмент с помощью которого проводятся социальные границы – между частным и общественным пространством.

Одной из главных проблем, порождающих многочисленные конфликты, становится **приватизация общественного пространства**. Соображения и механизмы, лежащие в основе этого процесса, многочисленны. Например, на территории коммерческой собственности или закрытых жилых комплексов, основным мотивом ограничения доступа становится стремление избежать нежелательных контактов (с бродягами, преступниками или просто городскими жителями). Для этого создается дополнительный полицейский контроль и нанимаются частные охранные предприятия. В этом случае сам принцип общественного пространства, находящегося в распоряжении горожан, нарушается. Контроль локализуется, а правила поведения и состав людей, которые в этом пространстве могут находиться, устанавливается небольшой группой граждан. Эти процессы могут пагубно отразиться на представлении об общественном пространстве. Стремление обезопасить отдельные места города могут обернуться полной бесконтрольностью и совсем иными принципами поведения в других местах общественного пространства. Это разбивает целостность, ставя под удар контроль публичного пространства.

Необходимо также понимать, что строгая демаркация города на зоны частного контроля, милитаризация пространства становятся предметом эстетизации. Вырабатывается символический язык запрета, границ права и санкционирования действий. В современном городе визуальный канал крайне

важен, а тому безотносительно к природе эстетизируемого явления или предмета, он становится мощным экономическим инструментом.

Другой угол рассмотрения вопроса границ частного и публичного пространства связана с тем фактом, что практически вся городская инфраструктура - магазины, парки, кафе, рестораны, торговые центры, зоны рекреации - являются частными владениями. Все эти места становятся источниками образов города, следовательно, сопряжены с определенными моделями поведения. Для процветания и благополучия город должен быть разнообразным. Он должен в одном пространстве удовлетворять все потребности горожан. Город предлагает людям одновременно и комфортное повседневное существование и мир ритуализированных удовольствий.

На примере Москвы можно продемонстрировать парковый «бум» - множество столичных парков было перестроено и облагорожено (в первую очередь вспоминается Парк культуры и отдыха им. Горького). И хотя каждый из парков уникален, в каждом из них была создана схожая инфраструктура, увеличивающая удобство и комфорт посетителей. В Москве открылось множество культурных центров: Винзавод, Артплей, Гараж, Институт «Стрелка». Все они являются комплексными структурами, деятельность которых направлена на искусство, просвещение, отдых, работу. Они становятся «опорными точками» в культурном поле города и местами производства продуктов символической экономики.

Разнообразие является основным принципом и секретом процветания согласно мнению одного из наиболее значительных городских исследователей и гражданскому активисту Джейн Джейкобс⁹⁸. «Разнообразие – природное качество больших городов».⁹⁹ Следует однако заметить, что оно более не является просто городской добродетелью, а становится инструментом в борьбе за власть над городским пространством. Сделать город разнообразным – значит

---

⁹⁸ Джейн Джейкобс (англ. Jane Jacobs; 4 мая 1916 года, Скрантон, США — 25 апреля 2006 года, Торонто, Канада) — канадско-американская писательница, активистка, теоретик городского планирования и одна из основоположниц движения нового урбанизма. Известна как автор книги «Смерть и жизнь больших американских городов» (The Death and Life of Great American Cities, 1961 год).

⁹⁹ Джейкобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011, с. 155

сделать его демократичным. А из этого следует, что и свободным. Жителям при этом предоставляется большая свобода выбора (одно из ее наиболее масштабных проявлений – рынок услуг и товаров¹⁰⁰). Но, при всем благополучии складывающейся картины, необходимо понимать, что места становятся при этом «силовыми полями» с четко прописанной моделью поведения. Всё городское пространство концептуализируется, становится тематическим, ограничивая воображение, заменяя его на готовые структуры восприятия и поведения. Это реализация принципа Диснейленда¹⁰¹ как идеального воображаемого мира, воплотившегося в реальность, мира предельно наполненного, не оставляющего сюжетного зазора и права выбора. Интересным событием, являвшимся открытой демонстрацией протеста против данного принципа стало открытие в Великобритании парка Дисмалэнда (Dismaland¹⁰², от англ. *dismal* – мрачный). Создатель идеи и ее воплощения – один из самых известных стрит-арт художников – Бэнкси. Фактически Дисмалэнд является мрачным двойником Диснейленда и представляет реальность мира со всеми его «поломками» и изъянами. Однако необходимо помнить, что данный парк развлечений, а точнее «парк недоумений» (*bemusement park*) является ярким арт-проектом художника и рождаемое им восприятие в отличие от принципа диснейленда, глубоко укоренившегося в городской культуре, пока не может претендовать на схожий коммерческий успех и всеохватность.

Возвращаясь к вопросу о движении капитала в общественном пространстве, необходимо подчеркнуть, что такие объекты как национальные музеи тоже становятся зависимыми от частных капиталовложений, включаются в рыночные процессы. Они рассчитывают на доход от своих сувенирных магазинов, используют новые техники презентации, удовлетворяющие публику, в попытке

---

¹⁰⁰ «Такие заведения как кафе Starbucks созданы для того, чтобы люди, не способные принимать решения, могли принять целых шесть. То есть люди, которые не знают, что они делают на Земле, за 3 доллара могут не только купить себе кофе, но и почувствовать собственную индивидуальность» (*You've got mail*, Nora Ephron, Warner Bros. Pictures, 1998)

¹⁰¹ Подробнее о принципе Диснейленда здесь: Zukin S., *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*, University of California Press, 1993, pp. 217-251

¹⁰² <http://dismaland.co.uk/>

привлечь больше людей открывают рестораны и проводят множество мероприятий, запускают программы лояльности. И все же, под финансовым давлением им пришлось инвестировать в свое визуальное имущество. Посредством управления культурным потреблением высокое искусство стало действительно общественной ценностью, привлекательной для туристов, репрезентирующей высокую культуру.

Конфликты по вопросам репрезентации сделали выставки сродни политической деятельности. И битвы происходят не только относительно проведения конкретных выставок, принципиальным становится расположение и степени влиятельности музеев в городской политике. Музеи, в большинстве своем, поддерживаются либо государством, либо частными лицами или организациями. Крупные музеи - культурные центры с активной спонсорской поддержкой получают куда больше общественного признания, нежели более либеральные арт-галереи. Наиболее крупные музеи всегда борются за общественные ресурсы. Они хотят занимать больше общественного пространства, получать большее государственное финансирование, больше свободы для преумножения возможностей (например, право продавать «воздух» вокруг собственных зданий застройщикам). Почему они получают больше поддержки? Потому что искусство стало утверждать власть и деньги. Визуальное искусство со способностью формировать видение приносит власть.

Одним из наиболее показательных и актуальных примеров подобных процессов в отечественной практике становится конфликт Пушкинского музея и Института философии РАН, в результате которого произошло выселение последнего из здания на улице Волхонке, где он располагалось более 80 лет. Точно и резонно звучат слова Н. В. Мотрошиловой о том, что «нельзя решать проблемы одной области культуры за счет унижения людей, принадлежащих к другой области культуры»¹⁰³. В сложившейся ситуации был нарушен режим диалога, следствием чего стало пренебрежение интересами одной из сторон.

---

¹⁰³ Н.В. Мотрошилова, Реконструкция РАН вредна // Русский журнал, <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Rekonstrukciya-IF-RAN-vredna>

Встает вопрос не только об «удельном весе» профессиональных сообществ в системе общественных отношений, но и степени гражданской вовлеченности в разрешение конфликта.

Так, образы городского пространства формируются силами, воплощающими либо объединенные, либо противостоящие друг другу экономические и политические интересы, а также интересы различных (профессиональных) сообществ.

Местом борьбы становится общественное пространство, которое претерпевает изменения, становясь частным. Это приводит к практически безраздельному влиянию отдельных групп на формирование моделей поведения, характера потребления и восприятия граждан. При этом законность введения подобных «барьеров» или ограничительных мер довольно часто сомнительна. Случается, что недостаток информации иногда не позволяет даже точно определить статус места как частного или общественного владения. Так произошло в случае 39-летней программы стимулирования развития в Нью-Йорке, когда застройщикам, обустроившим площади, пассажи и атриумы, было позволено дополнительно возвести в общей сложности 1 486 000 квадратных метров площадей. Однако точного учета ни компаний, получивших право застройки, ни конкретных площадей не велось. Поэтому со временем город «потерял из виду» общественные владения. «Зачастую знаки того, что пространство является общественным, отсутствуют. Владельцы или арендаторы, не подвергая сомнению статус пространства как частного, устанавливают двери, ворота, заборы и баррикады...»¹⁰⁴.

Множество подобных примеров можно привести и относительно России, Москвы в частности. Хотелось бы обратить внимание на один из них. В 2011 году был восстановлен общественный доступ на территорию Морозовского сада (нижняя часть), находящегося между Хохловским, Подкопаевским и Большим Трехвсятительским переулками Басманного района ЦАО. С 2001 года и по сей

---

¹⁰⁴ D. Dunlap, A Public Realm on Private Property //The New York Times, October, 2000
<http://www.nytimes.com/2000/10/15/realestate/public-realm-private-property-new-study-identifies-rates-hundreds-spaces-that.html>

день верхняя часть сада с расположенным там Морозовским домом находится в частном владении компании «ПС Интерстрой» на основании инвестиционного контракта с Правительством Москвы. Сад представляет как большую историческую¹⁰⁵, так и эстетическую ценность. Был возвращен горожанам при активном гражданском участии, в том числе с помощью действий инициативной гражданской группы «Морозовский сад»¹⁰⁶.

Используемые в качестве инструментов контроля и прибыли эстетизация страха и эстетизация разнообразия, в конечном итоге, определяют степень свободы горожанина. Приватизация публичного пространства и незаконное ограничение доступа к общественной собственности приводит к сужению и строгой демаркации города, увеличение же разнообразия - к его видимому расширению. Управление восприятием, в частности визуальным, становится одним из самых мощных инструментов воздействия, гарантирующим прибыли экономическим и политическим властным структурам.

3.2 Визуальное как инструмент городских преобразований

Активное использование инструментов визуализации как получения прибылей характерно для определенного типа экономики, в основе которой лежат культурные механизмы.

Начиная с 1970-х годов крупные промышленные производства стали покидать города. Происходило это по причине серьезного промышленного спада а также увеличения целесообразности перемещения производства товаров в другие регионы мира с более дешевой рабочей силой.

Новое распределение сил привело к тому, что во многих развитых странах предпринимательский сектор экономики сдвинулся в область создания «творческих продуктов». Акцент теперь был сделан на дизайне товаров, создании образа вещи, неотделимого от ее функции, что должно было продемонстрировать экономический потенциал. Вместе с этим началось

---

¹⁰⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Морозовский_сад

¹⁰⁶ <http://morozovsky-sad.livejournal.com/>

развитие медиа-империй, воплощавших свою культуру во всем, во что вкладывались средства. Визуализация информационной подачи стала воплощаться в создававшихся тематических парках, отелях, производимых товарах. Это, в свою очередь, формировало определенный характер маршрутов перемещения в физическом и символическом пространстве.

Вводится новый язык, новое понимание различий. Спрос на справедливость переводится на язык спроса на одежду в стиле casual (повседневная), которая сама по себе – объективированное воплощение городского образа жизни. Индустриализация творчества повышает ставки в борьбе за маркирование стилистических различий и атрибутов.

Визуальное изображение очень значимо, потому что маркирует пространство, нанося на карту места удовольствий, а это, в свою очередь, провоцирует джентрификацию, постоянное динамичное движение по перестройке, пересмотру роли старых мест, повторной актуализации роли различных помещений с приписыванием новых символических значений. Появляется представление об эстетике джентрификации¹⁰⁷ как движущей силе переселения среднего класса из ставшего уже привычным пригорода обратно в город. Новый джентрифицированный образ города рождает новое эстетическое восприятие, а причастность к нему помогает людям чувствовать себя особенными и даже необходимыми для процесса становления новой визуальной городской эстетики.

Возникает понятие символической экономики, которую Ш. Зукин следующим образом: «символическая экономика определяется тремя ключевыми моментами: она является городской, основана на производстве символов в качестве базисных товаров, производстве символов мест города и культуры в целом»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Bridge, G. (2001b) Estate agents as interpreters of economic and cultural capital: the gentrification premium in the Sydney housing market. *International Journal of Urban and Regional Research* 25: 87–101

¹⁰⁸ S. Zukin «Whose Culture? Whose City? The Paradoxical Growth of a Culture Capital», *Cultures of World Cities Conference*, Hong Kong, 2001, http://www.cpu.gov.hk/en/events_conferences_seminars/conference_20010731.html

Публичная культура социально конструируется на микроуровне. Она формируется ежедневными встречами на улицах, в магазинах или парках – пространства опыта городской жизни. Право быть в этих местах, определенным образом их использовать, чувствовать свою принадлежность к этим местам приобретает принципиальную важность. Вместе с тем, торговые комплексы и зоны рекреации, а также другие места встреч, заменяющих в современных мегаполисах античные агоры и форумы, создаются для преобразования гражданской активности в потребительский интерес.

Множество взаимопроникающих и сложных систем города ведет к требованию эргономичности предметов пространства и самого пространства, в конечном итоге становится желаемым принципом организации жизни. Этот принцип воплощает собой стремление к непрерывности городского пространства, к ликвидации пустот восприятия и действия, возвращает к требованию непрерывности изменений как основе городского процветания.

Сама экономика антропологизируется, не случайно сегодня в ходу теории человеческого капитала. Мысль о важности образов предметов, ставшая актуальной еще в 1970-х, находит сегодня воплощение в дизайн-мышлении (design thinking). Она интегрирует различные элементы ежедневных практик, из которых, во многом и формируется культура. Технические характеристики «подстраиваются» под реализацию основных задач культурного характера.

3.3 Превращение промышленного района в культурный центр

Одним из наиболее показательных примеров того, как в одном месте последовательно реализовывались интересы различных городских сил, стал нью-йоркский район Сохо. Изначально это была промышленная область с большим числом фабрик. Местом, где стихийно сложилась экономика, прикрепленная к определенному ландшафту. Однако в определенный момент интерес изменился и его стали рассматривать как наиболее удачное место для десяти полосной автомагистрали, соединяющей районы города. После длительной борьбы против

этой идеи Сохо обрел второе рождение, став своеобразной «штаб-квартирой» арт-сообществ.

Появление Сохо изменило способ, которым страна видит и ценит города. Некогда промышленная область Нью-Йорка была трансформирована малыми потерями зданий 19 века, без уменьшения аутентичного урбанизма и без больших затрат общественных средств. В США невозможно найти более современной области.

Городские активисты боролись с организацией Проектного планирования (Project Planning), противостояли идее построить автомагистраль, проходящую через Сохо, и добились сохранения района. Однако даже после закрытия этого проекта многие фабрики переехали из-за неопределенности и нестабильности судьбы района. Они предполагали, что их здания будут снесены. Косвенным подтверждением данного предположения стал выпущенный организацией «Городской клуб» (City Club) в 1962 году труд «Пустыри города Нью-Йорка» («The Wastelands of New York City»), предлагавший убрать большую часть района с лица земли, так как здания, его наполнявшие, не имели никакой ценности.

В действительность воплотился синдром смертельной угрозы (death threat syndrome)¹⁰⁹. Заключается он в том, что любая жилая, коммерческая или индустриальная область начинает умирать, когда для нее насильно запланирована новая судьба: бизнес стал переезжать, не дожидаясь решающей битвы, банки не давали займы, даже если владельцы собственности были готовы инвестировать. И хотя провозглашенный план никогда не воплотился в жизнь, само наличие плана ставило под угрозу будущее этого места.

Строительство автомагистрали – проект, принятый главным градостроителем города Робертом Мозесом¹¹⁰, словно превратилось в большой предупреждающий

---

¹⁰⁹ Gratz R. B. The Living City: How America's Cities Are Being Revitalized by Thinking small in a big way., John Wiley & Sons, 1994 p. 125

¹¹⁰ Конфликт строительства магистрали и борьбы с общественным противостоянием во главе с Джейн Джейкобс описан в книге «Wrestling with Moses: How Jane Jacobs Took On New York's Master Builder and Transformed the American City», Anthony Flint, Random House Trade Paperbacks; Reprint edition (2011)

знак с оповещением для владельцев собственности: у этой области нет будущего, продавайте недвижимость. Новые потенциальные инвесторы исчезают. Владельцы думают о переезде. Это и случилось с Сохо, будучи совершенно неестественным упадком, без весомых на то экономических оснований.

Честер Рапкин, экономист и городской теоретик¹¹¹ занимался изучением района с 1963 года и насчитал более 50 видов промышленной деятельности от выделки кожи и меха до создания кукол, коробок и колес для велосипедов, которая бы просто исчезла при необходимости переезда. Важно то, что официальные органы уже успели поставить на районе крест: он умирает или уже умер, заполнен устаревшими, разрушающимися зданиями. Такие формулировки стали основными сообщениями в прессе. Ожидаемым эффектом должно было стать уничтожение района, что стало бы лучшим доказательством целесообразности собственных экономических интересов.

Как известно, Джейн Джейкобс была одним из лидеров движения против строительства автомагистрали, проходящей через Сохо. То, что возмущало ее больше всего, это факт, что информация о плане всегда поступала частично, сегментарно и никогда не представляла собой весь план. Хотя сегодня формально сокрытие плана развития города недопустимо, и план должен быть предоставлен на суд общественности, рычаги гражданского влияния по-прежнему сильно ограничены.

Дж. Джейкобс утверждала, что произвольное расположение городских объектов и их разнообразие (*diversity* – одно из ключевых понятий ее работ) – это то, что конституирует здоровое функционирование отдельных областей и составляет жизнеспособную городскую экономику. Она поставила под сомнение эффективность профессии планировщика, утверждая, что источник его действий – «напуганные» центры власти (такой же позиции придерживался и Анри Лефевр, позиция которого по данному вопросу подробно изложена в п.1.2 раздела 1 данной работы).

---

¹¹¹ Честер Рапкин выпустил отчет «Индустриальная область Южного Хаустона» («The South Houston Industrial Area»), также известный как «Отчет Рапкина» или «Учение Рапкина» («Rapkin Study»).

Этой же логике следует теоретическое обоснование и практические действия в случае борьбы против строительства LOMEX¹¹². Мы можем выйти на более высоких уровень обобщения, сказав, что не нужно жертвовать городскими районами ради дорогостоящих, затратных проектов расчистки пространства.

Этот пример важен потому, что **конфронтация, развернувшаяся в Сохо, стала полем боя для различных идеологий городского планирования**. Схема простого сноса зданий в городском обновлении, символом которого стала устрашающая автомагистраль, перестала быть единственной. Важно, что гражданам, проживающим в данном районе, была дана возможность общественного участия, власть в принятии решения, которой до тех пор де факто обладали только официальные власти.

Одним из наиболее значимых последователей идеи разнообразия и идей Джейн Джейкобс стала Шерон Зукин (Sharon Zukin), которая в своих работах активно развивает мысль об аутентичности городского пространства в качестве ключевого элемента для позитивной динамики его развития. Подвергая анализу отношения градостроителей и гражданского сообщества, Ш. Зукин выражает мысль: «Аутентичность свидетельствует в пользу права города, а также отдельного района, на предоставление жителям, рабочим, владельцам магазинов, уличным продавцам на то, чтобы «пустить корни» - воплощая тем самым традиции и новое основание для развития».¹¹³

«Синдром Сохо» распространился далее. И основой его стало быстрое преобразование области за счет активной позиции резидентов различных районов - деятелей искусства, которые виртуозно превращали помещения фабрик в свои квартиры и студии. Это привлекало внимание СМИ и превратилось в широко распространенный тренд «loft living».

Сохо – один из самых современных, развитых районов Нью-Йорка. И именно поэтому является потенциальным ресурсом власти. И может вновь стать полем битвы, опять между органами планирования, местными соседствами и

---

¹¹² Lower Manhattan Expressway (<http://www.nycroads.com/roads/lower-manhattan/>)

¹¹³ Sharon Zukin, Naked City. The Death and Life of Authentic Urban Places. Oxford University Press, 2010, p. 26

элитами. Но характер этого противостояния оказывается принципиально иным. Локальные структуры формируют глобальные образы. Так и небольшой район может стать Меккой создания образов города. Изначально промышленное оказалось под угрозой быть опустошенным, с опасностью исполнять функцию транзитного пути и, избежав этой судьбы, превратилось в место с новым типом экономики и функционально переосмысленной территорией.

3.4 Формирование новой культурной идентичности районов

Поставленный ранее вопрос о компромиссе между целенаправленным, запланированным городским развитием и стихийным формированием среды, на практике приводит к воплощению двух противоположных стратегий. Первая из них состоит в том, что культурная значимость района формируется целенаправленно, за счет формирования концептуальной основы, разработки последовательного плана действий, привлечения ресурсов и воплощения задуманного в действительность. Такая стратегия мышления была реализована еще в завоевательных походах Древнего Рима и заключалась в последовательной дубликации геометрической организации столицы империи на новых территориях без учета местного культурного контекста. Такая стратегия не теряет своей актуальности и по сей день, воплощаясь с переменным успехом (одним из провалов можно назвать строительство столицы Бразилии города Бразилиа, построенного и спроектированного с нуля Оскаром Нимейером).

Вторая стратегия заключается в развитии спонтанно сформированной культурной среды, связанной с отдельным городским районом. Примером второй стратегии может стать Бруклин. Один из его районов Уильямсбург – стал наглядным подтверждением идей Дж. Джейкобс о том, что старые здания с низкой арендной платой станут местами инкубации новой активности.

Богема Ист Виллажда переезжала сюда не только из экономических соображений, но и из-за необходимости убежать от навязчивого внимания туристов, охваченных живым интересом к стилю жизни представителей

творческих сообществ. Писатели находили Бруклин привлекательным уже потому, что большая плотность населения, активные транспортные потоки и стресс, характерный для Манхэттена, обошли его стороной. Это был мир, ближе всего находившийся к центру агломерации, при этом, представлявший собой конкурентоспособную альтернативу.

Уильямсбург стал одним из главных модных центров, кардинально изменив ситуацию по сравнению с шестидесятыми годами двадцатого века, когда данный район имел исключительно промышленный характер. Именно последний факт делал его мало привлекательным с точки зрения перестройки и развития. Понижению интереса также способствовало прекращение действия нью-йоркского порта, в результате чего предприятия закрывались, а власти не пытались каким-то образом помочь ликвидации упадка. К тому моменту Бруклин считался «общежитием» для рабочих Манхэттена.

После финансового кризиса 1975 года положение только ухудшилось. Городской бюджет был сильно урезан и средств на обеспечение чистоты и безопасности городского пространства стало катастрофически не хватать. Даже после выравнивания финансовой ситуации в восьмидесятих годах периферийные районы должного внимания не получали.

Городской порядок и поддержание производства в Бруклине не занимало городских властей, однако с их стороны были применены меры по выселению нелегальных жильцов бывших промышленных предприятий района, среди которых оказалось много представителей искусства. Однако, это не дало своих результатов и к середине следующего десятилетия общее количество художников еще более увеличилось. А район стал новым культурным центром несмотря на стремления властей не допустить формирования второго Сохо.

Бруклин, с учетом своих особенностей и уникальности, все же вполне вписывался в ряд районов (Сохо 1970-х, Ист Вилледжа 1980-х, Чикагского Wicker Park 1990-х), ставших наиболее влиятельными культурными центрами не только города или страны, но и своеобразными брендами для глобального мирового культурного сообщества. Хотя начинался он как промышленный район

с низкой арендной платой за жилье, небезопасный, с множеством бедных двадцатилетних молодых людей, мечтавших стать художниками и экспериментировать с художественными формами, которые еще не задумывались о рыночной стоимости своих произведений.

При этом популярность района формировалась безотносительно к его прошлому, новая культурная составляющая становилась доминирующей причиной интереса к нему. Как написал арт-критик газеты Нью-Йорк Таймс Холланд Коттер: «Brooklyn-ness is a cultural ethnicity»¹¹⁴. («Бруклинскость – это культурная этничность»). Отличие такого способа формирования модного места принципиально отличается от стратегии, когда начало развитию задают крупные инвестиции, и состоит еще и в том, когда место становится модным. В случае с Уильямсбургом стоит выделить два момента: зарождения и идентификации. Популярным, притягательным он стал сначала для одного сообщества, а потом и для всего мира. Первое – профессиональное сообщество деятелей искусства. Случилось это в 1993 году на выставке Художественного музея Карнета (Karnet Art Mueum) университета Иллинойса. Появление «парадигмы Уильямсбурга» привлекло внимание патронов и художников, искавших новое сообщество вместо чрезмерно популярного и всё более дорогостоящего Ист Вилледжа.

Взросшая популярность в медиа обозначила момент модного триумфа Уильямсбурга. Именно благодаря этому данный район Бруклина стал узнаваемым локальным продуктом для глобального культурного потребления. Большое количество событий, создававших социальный капитал, приобретающие все большую популярность арт-галереи и блоги. Всё это напоминало «Силиконовую долину, только без инженеров и с куда более скромным венчурным капиталом»¹¹⁵.

---

¹¹⁴ Holland Cotter “Brooklyn-ness, a State of Mind and Artistic Identity in the Un-Chelsea», april, 16, 2004, <http://www.nytimes.com/2004/04/16/arts/art-review-brooklyn-ness-a-state-of-mind-and-artistic-identity-in-the-un-chelsea.html>

¹¹⁵ Zukin, Sharon “Naked city. The death and life of authentic urban places”. Oxford University Press, 2010, p. 52

Художественная сцена Ист Вилледжа, так ярко сверкавшая в середине восьмидесятых, сформировала и многие страхи, и надежды, которые потом «перешли» к Уильямсбургу. Как выставка 1984 года в Институте современного искусства университета Пенсильвании зажгла звезду Ист Вилледжа, так и выставка 1993 года дала старт новому проекту творческого сообщества. Культурная, как и географическая дистанция между Бруклином и Манхеттенom дала возможность рассматривать Бруклин как «альтернативное» городское пространство.

После активной рекламы в СМИ и признания его перспективности, в районе активизировалась застройка, а цены на жилье поднялись. Сформировавшийся образ стал активно использоваться для получения новых финансовых прибылей. В то же самое время, столько быстрое формирование нового образа района поставило его уникальность под вопрос, возникло оправданное опасение, а не станет ли Бруклин лишь очередным модным местом.

3.5 Джентрификация как социальный лифт

Определение джентрификации¹¹⁶, предложенное Рут Гласс, по праву можно считать первым в урбанистической литературе. Внимание в нем акцентируется на классовом неравенстве и несправедливости как результатах капиталистических процессов и политических инициатив. Данное определение джентрификации, нагруженное столь серьезным содержанием, стало причиной многочисленных споров о пользе и вреде данного процесса.

Две известные модели объяснения джентрификации – с позиции потребления или позиции производства. В 1970-х годах под влиянием работ неоклассических экономистов крайне популярным стало определение, рассматривающее джентрификацию как неизбежный процесс рыночной адаптации, а также как часть движения среднего класса по возвращению из пригородов в город¹¹⁷. Анализ потребления, в том числе культурного здесь становится ключевым, характеризуя новых обитателей районов (которых также начинают называть «новым средним классом») и происходящие в них изменения.

Вторая точка зрения рассматривает джентрификацию с позиции производства – как результата неравномерного распределение капитала в области землепользования, последовательного сокращения инвестиций в отдельных районах и повторного возникновения интереса, сопряженного с новыми потоками вложений и потенциальным преумножением прибыли в результате

---

¹¹⁶ «Один за другим, множество рабочих кварталов Лондона были подвержены вторжению среднего класса – высшего и низшего. Ветхие, небогатые «клетушки» по истечению срока аренды превратились в изысканные роскошные резиденции. Однажды возникнув, этот процесс «джентрификации» стал быстро распространяться пока все прежние жители, представители рабочего класса, не исчезли из района, а его социальный характер не был полностью изменен» (*Glass R. London: Aspects of Change. L.: Macgibbon a Kee, 1964, p. xvii*).

¹¹⁷ Lipton, S. G. (1977) Evidence of central city revival. *Journal of the American Institute of Planners* 43: 136–47; Kern, C. R. (1981) Upper-income renaissance in the city: its sources and implications for the city's future. *Journal of Urban Economics* 9: 106–24

развития районов¹¹⁸. Следует заметить, что две данные позиции очень тесно взаимосвязаны и не могут быть принципиально отделены.

Другая важная проблема при рассмотрении процесса джентрификации - это вопрос выселения и дальнейшего переселения жителей районов, подвергшихся джентрификации. Одно из проявлений данной проблемы («Синдром Сохо») было описано выше (параграф 3.3 данной работы). В случае с Сохо на стороне района стояли серьезные гражданские правозащитные силы во главе с Джейн Джейкобс. Вполне возможно, что именно этот факт стал решающим для победы гражданской инициативы по сохранению района. Пример Гарлема показывает совсем иную стратегию, где только самоорганизация сообщества, населявшего район, стала толчком для дальнейшего процветания.

Гарлем¹¹⁹ на протяжении долгого времени был и остается районом с сильным доминированием афро-американского сообщества. Его культура, начиная с 1960-х, стала специфическим товаром для СМИ. Будучи, по всеобщему представлению, местом аккумулированного уродства, он, тем не менее, был ценен с культурной и эстетической точки зрения. Процесс схожий с Бруклином, когда из самого промышленного физического ландшафта черпали «грязную» эстетику, делая ее одним из главных козырей для «продажи образа» района.

Так произошло и в Гарлеме. Его «открыли» как колонию, как подобным образом открыли и Бруклин. Он был настолько же ценен с культурной точки зрения, как некогда специи для морской торговли. СМИ вбирали местную культуру, переделывая ее на свой лад. Основная проблема состояла в том, что, несмотря на активное использование культурной специфики района, это не придавало самому месту привлекательности, не способствовало социальным изменениям.

Проблема внутреннего колониализма, отражением которого отчасти является джентрификация, точно описана режиссером Спайком Ли, который реалистично

---

¹¹⁸ Smith, N. (1979) Toward a theory of gentrification: a back to the city movement by capital, not people. *Journal of the American Planning Association* 45 (4): 538–48

¹¹⁹ Подробнее о джентрификации Гарлема в Taylor, M. (2003) *Harlem: Between Heaven and Hell*. Minneapolis: University of Minnesota Press

показывает в своих фильмах жизнь нью-йоркских районов. В одном из публичных выступлений он критично высказался о процессах джентрификации, происходящих в Нью-Йорке. Режиссер приписывает «белым» американцам «комплекс Колумба». Последние не только «открывают» для себя новые районы города, в которых уже сформировались устойчивые сообщества, но и подвергают пересмотру облик места и его уклад до неузнаваемости, изменяя названия улиц, нарушая уже сложившиеся «кодексы» района¹²⁰.

Еще в 1968 году в музее Метрополитен прошла выставка «Harlem on my mind»¹²¹, которая дала слово местным представителям искусства выразить свое художественное отношение к району, открыть его для жителей остальных частей города, это было местом процветания культуры джаза.

Начиная со времени финансового кризиса 1975 года, все культурные процессы были приостановлены. Как и многие периферийные районы, он лишился поддержки властей. В 1980-е все стало еще хуже. Самым крупным землевладельцем Гарлема было правительство Нью-Йорка. Мелкие землевладельцы, которые не платили налоги, решили переехать, а не вкладываться в изменения. Здесь распространилась наркоторговля, и наркоманы стали поселяться в заброшенных домах. Таким образом, у Гарлема формировался устойчивый иммунитет к преобразованиям, он стал безнадежен и стремительно двигался к запустению.

Это был один из случаев, когда вмешательство капитала «со стороны» не могло помочь. Местная культурная специфика адаптировалась и процветала. Единственное, что могло это место изменить, улучшить, это некий механизм самогенерации. Району был необходим средний класс, состоящий из афро-американцев. Как показало дальнейшее развитие, это было тем решением, которое в действительности «открыло» Гарлем для жителей других районов. Средний класс развивался, его представители получали хорошее образование, у них появилось желание и средства на восстановление района.

¹²⁰Spike Lee's Amazing Rant Against Gentrification: 'We Been Here!'

<http://nymag.com/daily/intelligencer/2014/02/spike-lee-amazing-rant-against-gentrification.html#>

¹²¹Cooks B. Black Artists and Activism: Harlem on My Mind (1969) // American Studies, 48:1 (Spring 2007): pp. 5-40

Начавшееся восстановление послужило толчком для притока капитала извне. Гарлем стал привлекательным и перспективным для застройщиков. Он начал перестраиваться и развиваться. Еще одним дополнительным фактором толчком развития стало открытие штаб-квартиры Билла Клинтона в Гарлеме. Место приобретало власть, а власть место.

Таким образом, «возродившийся Гарлем» показал стратегию восстановления с использованием внутренних ресурсов, инициативы и предприимчивости местных жителей, которые запустили механизмы преобразования. Только миновав эту ступень можно говорить о дальнейшем развитии, уже за счет притока внешнего относительно района капитала.

В последнее время демократичное по своей природе общественное пространство претерпевает значительные изменения под действием элит. Они делают свой вклад в его развитие, тем самым определяя направление процесса. Общественные места регулируются частными организациями и лицами. С одной стороны, это приводит к улучшению городской культурной инфраструктуры, становящейся более разнообразной и вариативной в использовании. С другой стороны, гражданские институты, которые должны принимать решения относительно распоряжения публичным пространством становятся зависимыми от частного интереса и капитала.

Однако в любом городском пространстве есть районы, не слишком эффективно управляемые местными властями, которые также не рассматривались как источник получения прибыли. Эти места проходили путь развития, отличный от тех, что находились под внимательным контролем властей и бизнеса. Специфичная культура, зарождавшаяся в них, становилась источником процветания некогда заброшенного района. Она становилась модной, популярной, притягательной для инвестиций и развития и провоцировала дальнейшие изменения района, что переопределяло культурную и экономическую роль районов в структуре города. В определенный момент их альтернативная природа становилась материалом и органично вливалась в

общекультурный поток. Этому способствовал союз интереса и активного финансирования.

Повторяющаяся схема встраивания культурных движений в общепризнанное направление установила моду на все новые места и ускоряющееся движение капитала. Таким образом, само процесс открытия нового и оригинального ставится «на конвейер». С уверенностью можно утверждать, что новые модные места будут появляться вновь и вновь, а в уже открытых все более остро встанет сохранения идентичности.

В Гарлеме, также как в Бруклине и множестве других джентрифицированных по всему миру районов, вновь и вновь будет возникать вопрос о балансе нововведений/ аутентичности места. А одной из главных проблем остается переселение людей из привычной им среды обитания при преобладающих интересах владельцев крупных капиталов. Исследователь джентрификации Том Слейтер высказывает мнение о недостатке качественных исследований джентрификации, при значительном числе количественных исследований. Также он указывает на необходимость проводить исследования «снизу», учитывая не только интересы переселившихся, но переселенных. Только в этом случае они могут быть практически полезны не только в описании городских процессов, но и в борьбе с городской несправедливостью¹²².

---

¹²² Bridge, G. and Watson S. (eds). *The New Blackwell Companion to the City*. Blackwell Publishing, 2011, p. 580

Заключение

Рассмотренные методологии исследования городского пространства отражают одну из самых главных проблем урбанистических исследований – определение статуса городского пространства и его роли в формировании социальных отношений. Ответ на вопрос о природе и характере городского пространства задает направление исследования. В первой главе рассмотрены вопросы методологии исследования городского пространства. Так, Мануэль Кастельс подвергает активной критике мнение о специфически пространственном характере общественных отношений. По его мнению, сами отношения в обществе имеют структурирующий эффект и воплощают собой городское пространство. Физический же ландшафт становится планом выражения этих отношений, сам же является малозначительной частью в теоретическом обосновании городских процессов. М. Кастельс активно выступает против идеи создания городской идеологии, за создание которой критикует Анри Лефевра и представителей Чикагской школы. Однако сам вопрос о пространстве, с очевидностью, поднимается вновь. На этот раз, пространство обретает свое место в теоретическом обосновании в связи с эффективностью и скоростью городской коммуникации. Последняя должна иметь непрерывный сетевой характер, с легкостью преодолевать препятствия – в этом и заключается идея потока. Разрывы коммуникации воплощают собой пространство мест – укорененных в определенной географической области, немобильных по природе. И если пространство потоков воплощает собой глобальное движение, то пространство мест – наоборот, локальное. В постоянном противодействии двух этих видов пространства протекает городская жизнь. Между тем, именно доминирование пространства потоков М. Кастельс делает залогом позитивной трансформации городского пространства.

В противоположность ему, Эдвард Сойя утверждает принципиально пространственный характер любых социальных отношений. Обозначая

пространство принципом организации, в котором сходятся модусы ментального, физического и социального измерений, он указывает на объяснительную способность процесса урбанизации. По мнению Э. Сойе, пространство и препятствия в нем, или наоборот, их отсутствие, постоянно вносят коррективы в характер складывающихся социальных отношений. И это придает городскому пространству высокую политическую значимость, которая была долгое время игнорируема в урбанистических теориях. Парадоксально, что, несмотря на принципиальную разницу позиций Кастельса и Сойе, пространство в их теориях играет ключевую объяснительную роль.

Д. Харви, как и Э. Сойе, было принципиально важно в своем исследовании указать на значимость процесса урбанизации в построении городской теории. Одним из наиболее важных для него вопросов становится следующий: почему анализ «городского» (the urban), происходит так редко, в объяснении городских процессов, если сравнивать значимость в этом анализе понятий модернизации, индустриализации, постиндустриализации и современности? Он утверждает, что множество серьезных общественных изменений происходит при «посредничестве» городов и «городского» как такового. Он настаивает на пересмотре урбанизации в качестве процесса производства пространства и пространственных темпоральностей, в которых пространственным процессам придается временное измерение.

Еще один немаловажный вопрос, который на высоко теоретическом уровне затрагивается Д. Харви это формирование городских сообществ как средств борьбы с городскими проблемами. В его теории большое место отводится категории процессуальности. Не исключением становится и ее применение в отношении сообществ. Он подвергает критике желание создать сообщества в качестве панацеи от социальных проблем, так как это попытка реифицировать сами сообщества, заключив их в твердую форму, лишив динамики.

Не обходит Д. Харви вниманием и другие городские силы. Наиболее влиятельными при формировании общественного ландшафта города становятся власть и капитал. Именно они запускают процесс бесконечных городских

преобразований. Капитал, по мнению Дэвида Харви, определяют характер города, находится в постоянном движении самовозрастания и самоуничтожения. Схожим образом, по мнению Анри Лефевра, функционирует и городская власть. Она, как и капитал, старается закрепить за собой различные места города, создать пространственную монополию. При этом их главным стремлением является консолидация, которая становится и средством их самоуничтожения.

Одна из ключевых идей Анри Лефевра заключается в том, что пространство всегда было политическим и стратегическим, оно «населено» идеологиями. И важен этот вопрос с точки зрения изучения пространства города и применяемой методологии. Нейтральность пространства ограничивает круг возможных для рассмотрения проблем. Сама пространство должно анализироваться с точки зрения своей неоднозначной и конфликтной природы. С этим, столь активно критиковавший Лефевра М. Кастельс не смог бы не согласиться, так как именно на этом конфликте строится его теория «пространства потоков» и «пространства мест». В системе французского исследователя политизированность пространства дополняется активными действиями капитала внутри города.

Н. Луман в своей книге «Общество общества» высказывает идею о том, что на протяжении длительного периода время было связано с пространственной метафорикой - как линейное или циклическое (т. 2, глава 12 «Темпорализации»). Так, М. Кастельс утверждает, что время структурирует пространство, А. Лефевр являлся резким противником историцизма и не отводит времени роль в объяснении социальных отношений. Взаимоотношения пространства и времени в городе занимают важное место, но отношения этих категорий сложны. В конечном итоге, их рассмотрение связано с ежедневным опытом, центром которого является человек. Ричард Сеннет, понимая важность человеческого опыта переживания города – взаимодействия плоти с камнем, рассматривает пример устройства Древних Афин и Рима. И в первом, и во втором случае городская система координат очень важна: в Афинах, верхней точкой которых был Парфенон, находящийся на возвышенности и создававший трехмерную модель городского пространства. Она позволяет свободно путешествовать взору

и голосу. Так и в общественной жизни Афин приоритетом была космополитичность и открытость, несущая в себе и огромный культурный рост, и уязвимость перед врагами, которые являются сторонниками проявления грубой силы.

Рим становится вечным городом за счет своей строго расчерченной географии, все дороги ведут туда, потому что это удел прямых линий, сходящихся в одной точке как на схематическом изображении Себастьяна Серлио. География сковывает время, превращая его в вечность. Но человеку не доступен физический опыт вечности, любой свой городской опыт он переживает во времени. Город находится в вечности и в двухмерной системе координат одновременно.

Приоритетом городского развития сегодня становится непрерывность в коммуникации, будь то повсеместное покрытие сетей сотовой связи и интернета или городского транспорта. И это демонстрирует еще одно проявление желания достичь вечности. Но пространство встает на пути вечности со времен ранних христиан, когда преставление о брэнном теле как преграде достижения Града Божия было одним из определяющих в практиках аскезы. Современный образ городской аскезы характеризуется не истязаниями тела, а депривацией телесного опыта. Чем выше социальное положение гражданина, тем более беспрепятственным является его опыт. Аскеза в этот момент связывается с капиталом – именно он гарантирует такой опыт. Конкретными его проявлениями становятся закрытые жилые и бизнес комплексы, городские и загородные клубы (пространственное расположение последних не имеет значения, так как привлеченные туда люди воплощают образ успешного процветающего города). Милитаризированное городское пространство со знаками «частное владение» или «посторонним вход воспрещен» - это часть негласного военного противостояния между городскими элитами и гражданским сообществом. Последнее становится инициатором движения за всеобщую информированность и участие в принятии городских решений.

В городе противостоят друг другу три силы: частный капитал (бизнес), государство и гражданское общество. При различных обстоятельствах эти силы формируют коалиции (гражданского общества и частного капитала против инициатив городского планирования; государства и частного капитала в активном развитии городской застройки; государства и гражданского общества, если активная городская застройка не входит в планы).

Для легитимации данного противостояния необходимо обозначить рамки свободы каждой из этих сил. Именно для этого так важны понятия городской справедливости, многообразия и равенства.

Демократичность городского пространства определяется предоставленной гражданам возможностью принимать участие в решение проблем градоустройства, что вскрывает противоречие между властью местных сообществ и центральным управлением. Единственно разделенная инициатива гражданских и государственных институтов может служить оптимизации городского устройства.

Вопрос городского многообразия рассматривается как толерантное отношение различных социальных групп, сформированных по этическому, расовому или культурному принципу. Ключевым здесь становится вопрос гомогенности или гетерогенности городского пространства. Единственное, каким образом можно найти компромисс, это всеобщее право на выбор, защиту, определение собственной идентичности, достигаемые совместными усилиями гражданских и государственных институтов.

Проблема равенства, в данной работе рассматривается в аспекте использования городского пространства, политики жилищного строительства и перестройки общественных районов как частной или государственной инициативы. Главной мыслью становится необходимость баланса: частного финансирования, которое при всей его критике, является главной силой городского развития инфраструктуры, и общественных прав на использование этой инфраструктуры, подкрепленное гарантиями устанавливаемого порядка.

Рассмотрение все этих проблем ставит в фокус справедливое распределение общественных благ, которое возможно только при совместной инициативе общественности, государственных институтов и инвестирования в городское развитие.

Гражданские общности, представлены ли они небольшими местным сообществами или крупными организациями, в проблемах городских изменений зачастую стоят на оборонительных позициях по причине ограниченности ресурсов влияния. В это время капитал и его перемещение становятся пульсом города, формирующим его образы. Город – это ландшафт изменения потоков инвестиций. Сами изменения становятся ресурсом для преумножения капитала (продемонстрировано на примерах районов Сохо, Гарлема и Бруклина).

Из контрастного ландшафта города рождаются всё новые и новые способы актуализации инвестиционных вложений. Проникая в область визуального, эстетизируя страх и разнообразие, капитал берет контроль над человеческим воображением. Активно развивающаяся символическая экономика и спекуляция новыми городскими ценностями способствуют городским изменениям.

. Рассмотрение вопроса городского пространства с различных методологических точек зрения помогает обозначить область до сих пор неразрешенных вопросов и проблем, преодоление которых имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение. Городское процветание зависит от эффективной компромиссной кооперации сил, обладающих правом, инициативой, финансовыми и культурными ресурсами. Это поле большой ответственности: взаимопомощи и взаимоограничений государства, бизнеса и граждан.

Проведение городских исследований может служить сознанием аналитической основы для улучшения методов разрешения практических вопросов и развития городского законодательства, которое неизбежно затрагивает вопросы справедливости, равенства и распределения ресурсов.

Библиография

1. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. М., 1983. Т.4.
2. Ашкеров А. Политическое пространство и политическое время античности.
URL : http://www.traditio.ru/ashkerov/antichn_vrem.htm
3. Ашкеров А. По справедливости. Эссе о партийности бытия. Европа, 2008
4. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004
5. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос №3, 2008
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005
7. Бодрийяр Ж. Америка. Спб.: «Владимир Даль», 2000
8. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011
9. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV- XVII вв.: В 3т. М.: Весь мир, 2007
10. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993
11. Вильковский М. Социология архитектуры. М., 2010
12. Гидденс Э. Устроение общества. М: Академический проект, 2005
13. Глазычев В. Глубинная Россия: 2000-2002. М., Новое издательство, 2003
14. Глазычев В. Городская среда. М., Ладыя, 1995
15. Глазычев В. О нашем жилище. М., Стройиздат, 1987
16. Глазычев В. Политическая экономика города. Учебник. М., Дело АНХ, 2009
17. Глазычев В. Урбанистика. М., Издательство «Европа», 2009
18. Джейкобс Д. Назначение тротуаров: безопасность// Логос (2008) №3
19. Джейкобс Д. Смерть и жизнь великих американских городов // Логос №3, 2008
20. Духан И. Становление концепции времени в искусстве и проектной культуре XX века. Докторская диссертация, 2012
21. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991

22. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь //Логос №3-4, 2002
23. Зиммель Г. Венеция // Логос №3-4, 2002
24. Каганов Г. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке // Душа и тело города. Общ. ред. Б.Г. Юдин М. : Прогресс-Традиция, 2007 .
25. Каганов Г. Санкт-Петербург: Образы пространства (2е изд.). СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 2004
26. Карпенко О. И гости нашего города // Отечественные записки. 2002. №6
27. Кастельс М. Галактика Интернет, Екатеринбург, 2004
28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000
29. Кривых Е. Г. Метрополия XXI века и коммуникативная проблема: философский аспект. "Вестник МГСУ", 2012, №12, с.22-26
30. Проектирование пространства в глобальном городе: гуманитарные технологии."Вестник МГСУ", 2014, №4, с.14-20
31. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем// Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990
32. Лаппо Г. География городов. М., Владос, 1997
33. Лаппо Г. Города на пути в будущее. М., Мысль, 1987
34. Луман Н. Общество общества. М.: Логос, 2011, Тт. 1-2
35. Маркс К. Капитал: В 3т. М.: Политиздат, 1938. Т.1. Кн.1.
36. Мезенцев С.Д. Методологические подходы к исследованию проблем градостроительства // Вестник МГСУ. 2012, №8. с. 26-33
37. Мезенцев С.Д. Проблемы гармоничного соотношения социального и природного пространств в градостроительстве // Вестник МГСУ. 2011, №4. с. 391-395
38. Мезенцев С.Д. Проблемы территориального планирования и градостроительства: социально-философский аспект // Вестник МГСУ. 2014, №6. с.17-26

39. Мезенцев С.Д. Современное градостроительство: должное и сущее, идеалы и реальность // Вестник МГСУ. 2010, №4. Т. 3. с.389-393
40. Мезенцев С.Д. Философско-социологические проблемы градостроительства // Гуманитарные проблемы современности: социальные аспекты функционирования градостроительного комплекса. Труды пятой Всероссийской и третьей Международной научно-практической конференции «Гуманитарные проблемы современности». 17-18 декабря 2008 г. М.: Московский государственный строительный университет, 2009, с. 8-13
41. Мезенцев С.Д. Философия науки и техники: Учебное пособие. М.: Московский государственный строительный университет, 2011.
42. Мезенцев С.Д., Кривых Е.Г. Философские проблемы технических наук: Учебное пособие. М.: МГСУ, 2015.
43. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М: Прогресс-Традиция, 2009
44. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012
45. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социологическое обозрение. Том 5. № 1. 2006
46. Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы. М., «Художественная литература», 1973
47. Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки// Прогнозис,4, 2005
48. Сеннет Р. Плоть гражданственности. Мультикультурный Нью-Йорк. Неприкосновенный запас, 2010 №2(70)
49. Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства?// Логос 3(66) 2008, с.130-14
50. Социология. Хрестоматия. М.: Гардарики, 2003
51. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. Новое литературное обозрение. М., 2011
52. Турен А. Возвращение человека действующего, Москва, Научный мир, 1998

53. Теория общества. Фундаментальные проблемы. Под ред. Филиппова. М, Канон-пресс-ц, Кучково поле, 1999
54. Филиппов А. В. Социология пространства. М.: Владимир Даль, 2008
55. Филиппов А. Ф. Социология пространства// Логос №2(23), 2002
56. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005
57. Фукидид. Из речи Перикла над могилами воинов. Хрестоматия по античной литературе. В 2 томах. Для высших учебных заведений. Том 1. Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. Греческая литература. М., "Просвещение", 1965
58. Щукин А. Город, которым не спекулируют // Эксперт, 1 февраля 2013
59. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2 изд., т.2, М., 1962
60. After the World Trade Center: rethinking New York City. Zukin S. Sorkin M., Routledge, NY, 2002
61. Alexiou A. S. Jane Jacobs: urban visionary. Rutgers University Press, 2006
62. Angotti, T. Advocacy and Community Planning: Past, Present and Future //Progressive Planning Magazine, spring 2007, URL: <http://www.plannersnetwork.org/2007/04/advocacy-and-community-planning-past-present-and-future/>
63. Berman M. All that is solid melts into air: the experience of modernity. Verso, NY,1982
64. Bridge, G. (2001b) Estate agents as interpreters of economic and cultural capital: the gentrification premium in the Sydney housing market. International Journal of Urban and Regional Research 25: 87–101
65. Bridge, G. and Watson S. (eds). The New Blackwell Companion to the City. Blackwell Publishing, 2011
66. Davidoff P. Advocacy and Pluralism in Planning // Journal of the American Institute of Planners, Volume 31, Issue 4, 1965
67. Castells M. The City and the Grassroots: A cross-cultural theory of urban social movements. London 1983

68. Castells M. The Informational Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore and London^ John Hopkins University Press, 1989
69. Castells M. The Power of Identity, Oxford: Blackwell, 1997
70. Castells M. The End of the Millennium, Oxford: Blackwell, 1998
71. Charmes E., «Gated Communities: Ghettos for the Rich?», Books and Ideas, 1 October 2012. URL : <http://www.booksandideas.net/Gated-Communities-Ghettos-for-the.html>
72. Cities back from the edge: new life for downtown. Gratz R. B., Mintz J Wiley & Sons, 1998
73. Cooks B. Black Artists and Activism: Harlem on My Mind (1969) // American Studies, 48:1 (Spring 2007)
74. Cotter, Holland “Brooklyn-ness, a State of Mind and Artistic Identity in the Un-Chelsea», April, 16, 2004 URL : <http://www.nytimes.com/2004/04/16/arts/art-review-brooklyn-ness-a-state-of-mind-and-artistic-identity-in-the-un-chelsea.html>
75. Cuthbert A. R. Designing cities: critical readings in urban design. Blackwell, Oxford, 2003
76. Glass R. London: Aspects of Change. L.: Macgibbon a Kee, 1964
77. Gratz R. B. The Living City: How America's Cities Are Being Revitalized by Thinking small in a big way., John Wiley & Sons, 1994
78. Goodall B., Kirby A. (eds) Resources and Planning //Batty M. On Planning Processes Oxford: Pergamon, 1979
79. Fainstein, Susan The Just City, Cornell University press, 2010
80. Forester, J. Critical Theory and Planning Practice, Journal of the American Planning Association, 1980, № 46, P. 275–86
81. Forrester J. Dealing with Differences: Dramas of Mediating Public Disputes, New York: Oxford, 2009
82. Forrester J. The Deliberative Practitioner: Encouraging Participatory Planning Processes, Cambridge, MA: MIT Press, 1999
83. Gottdiener M. The social production of urban space. University of Texas press, 1997

84. Hall P. *Cities of Tomorrow*. 2d edition. Oxford: Blackwell, 2002
85. Hall P. *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century*, 3rd edn., Oxford: Blackwell, 2001
86. Hall P. *Urban and Regional Planning*, 5th edn. London: Routledge, 2009
87. Hall P. *Cities in Civilization*. N. Y.: Pantheon Book, 1998
88. Harvey D. "The new urbanism and the communitarian trap: on social problems and the false hope of design" *Harvard design magazine*, no. 1
89. Harvey D. *Consciousness and the Urban Experience*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1985
90. Harvey D. *The Limits to Capital*. Oxford: Blackwell, 1982
91. Harvey D. *Social Justice and the City*. University of Georgia Press, 2006
92. Harvey D. *Space of Global Capitalism. Towards a Theory of Uneven Geographical Development*. L.: Verso, 2006
93. Hays K. *Architecture theory since 1968*. MIT Press, 2000
94. Hoffman I. *The Presentation of Self in Everyday Life*, Garden City, NY: Doubleday, 1959
95. How many migrants to Europe are refugees? // *The Economist*, September, 7, 2015
URL: <http://www.economist.com/blogs/economist-explains/2015/09/economist-explains-4>
96. *Human geography: an essential anthology*. John A. Agnew, David N. Livingstone, Alisdair Rogers. Blackwell, 1996.
97. Jewson N., MacGregor S. (eds) *Transforming Cities* // Harvey D. *Contested Cities: Social Process and Spatial Form*. LeGates, Richard T.; Frederic Stout, 2011 *The City Reader*, Fifth Edition, Taylor & Francis. Kindle Edition. P. 246-253
98. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. Atlanta, Vintage Books, 1992.
99. Kern, C. R. (1981) Upper-income renaissance in the city: its sources and implications for the city's future. *Journal of Urban Economics* 9: 106–24
100. Kirbey, A. 'Metropolitics or retropolitics? Review of Myron Orfield *American Metropolitics: the new suburban reality*', 2004

101. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenges to Western Thought*. N. Y.: Basic Books, 1999
102. Lang P. *Mortal city*. Princeton Architectural press Inc, 1995
103. Lefebvre H. *Everyday life in the modern world*. Continuum, NY, 2006
104. Lefebvre H. *The Production of Space*. Blackwell, Oxford, 1991
105. Lefebvre H. *The Urban Revolution*, translated by Robert Bononno, Minneapolis: University of Minnesota, 2003
106. Lipton, S. G. (1977) Evidence of central city revival. *Journal of the American Institute of Planners* 43: 136–47
107. Logan J. R., Molotch H. R. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press, 1987
108. Marcuse P. «Dual city»: a Muddy Metaphor for a Quartered City// *International Journal of Urban and Regional Research*. 1989. Vol. 13, № 4. P. 697-708
109. Marcuse P. The Enclave, the Citadel and the Ghetto: What Has Changed in the Post-Fordist U. S. City// *Urban Affairs Review*. 1997. Vol. 33, № 2, P. 228-264
110. Marcuse P. *The Shifting Meaning of the Black Ghetto in the United States*. Blackwell, 2002
111. Massey D., *For Space*. L.: Sage, 2005
112. Massey D., Jess P. (eds.) *A Place in the World? Places, Cultures and Globalization*. Oxford: Open University, 1995
113. Middle-Class Roots to Live On After Sale of Stuyvesant Town // *New York Times*, October, 20, 2015, p.A1 URL: <http://qps.ru/xhPHc>
114. Mumford L. Mother Jacob's Home Remedies for Urban Cancer // *The New Yorker*. 1962. Dec. 1
115. On the Upper West Side, a House Divided by Incomehttp, *New York Times*, July, 25, 2014 URL : <http://www.nytimes.com/2014/07/27/nyregion/on-the-upper-west-side-a-house-divided-by-income.html>
116. Orfield M. *American Metropolitics: the new suburban reality*, Brookings Institution Press, 2002
117. Paddison R..*Handbook of urban studies*. SAGE, London, 2001

118. Piketty, T. *Capital in the Twenty-First Century*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge Massachusetts London, England, 2014
119. Poor Door' in a New York Tower Opens a Fight Over Affordable Housing, *New York Times*, Aug. 26, 2014 URL : <http://www.nytimes.com/2014/08/27/nyregion/separate-entryways-for-new-york-condo-buyers-and-renters-create-an-affordable-housing-dilemma.html>
120. *Readings in urban theory*, Fainstein S. S., Campbell S Blackwell Oxford, 2002 (2nd edn)
121. Saunders, P. *Social Theory and the Urban Question*. Routledge, NY, 1981.
122. Sennett R. *Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization*, W. W. Norton & Company; Reprint edition, 1996
123. Sennett R. *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*, New York: Norton, 1970
124. Smith, N. (1979) Toward a theory of gentrification: a back to the city movement by capital, not people. *Journal of the American Planning Association* 45 (4): 538–48
125. Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. New York: Verso, 1989
126. Soja E.W. *Postmetropolis: Critical studies of cities and regions*. Oxford: Blackwell, 2000
127. Soja E. W. Taking Los Angeles Apart: Some Fragments of a Critical Human Geography// *Environment and Planning D: Society and Space*. 1986. Vol.4. P. 255-272
128. Soja E. W. Writing the City Spatiality// *City*. 2003. Vol. 7, № 3. P. 269-280
129. Soja E. W. Writing Geography Differently // *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30, № 6. P. 817-820
130. . Zukin S., DiMaggio P. *Structures of capital: the social organization of the economy* Cambridge University Press, 1990
131. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991
132. Sassen S. *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press, 1996

133. Sassen S. *Cities in a World Economy*, 3rd edn, Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2006
134. Susser I. *The Castells reader on cities and social theory*. Blackwell, Oxford, 2005
135. *The Blackwell city reader.*, Bridge G., Watson S. Blackwell, Oxford 2002
136. *The city reader*. Richard T. Gates L., Stout. Routledge, NY, 2003
137. *The global cities reader*. Brenner N, Keil R Routledge, NY, 2005
138. *The urban geography reader*. Routledge, Fyfe N., Kenny J NY, 2005
139. Zukin S. *Loft living: culture and capital in urban change*. John Hopkins University Press, 1989
140. Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places*, Oxford, 2010
141. Zukin S. *The Cultures of Cities*. Blackwell, Oxford, 1998
142. Webber, M.M. *Planning in an Environment of Change*, *Town Planning Review*, № 39, 1968
143. Wirth L. *Urbanism as a Way of Life*// *The City Reader*/ Ed. R. T. Gates, F. Stout. L.: Routledge, 1996. P. 97 – 106
144. Wirth L. *Community Life and Social Policy*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1956
145. *Writings on cities*. Lefebvre H., Kofman E., Lebas E Blackwell, Oxford, 2003